

05,4

Воскресенье, 14 ноября.

Театръ и Искусство

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1904 годъ.

VIII годъ изд.

Е-жа Селлвапова=Маргарита.

(Къ постановкѣ „Фауста“ въ Александринскомъ театрѣ.-I)

№ 46.

MS

СОДЕРЖАНИЕ: „Добровольное“ соглашение.—† Н. Ф. Бунаковъ.—Хроника театра и искусства.—Изъ театральной жизни.—Разговоры объ актёрѣ, I. Актёры и критики. С. Рафаэловича.—Памяти В. И. Сизова, Проф. Б. Варнеке.—„Дачники“ А. Кузнецъ.—Письма изъ Кіева, Н. Николаева.—Простѣйшій рецептъ Арсенія Г.—Московскія арабески, Б. Ами.—Къ сезону въ провинціи.—Письма въ редакцію.—Харьковскія письма, I. Тауридова.—Провинц. пѣтопись.—Сдачи театровъ и ангаж.—Библиографія.—Сов. и Отв.—Объявл. Рисунки „Дачники“ (7 рис.), „Принцесса Турандотъ“, „Неудавшіяся кэкъ-уокъ“ или „Веснія грозы“ (шаржъ).
 Портреты: Е. И. Варламовой, г.г. Линтварева, Александровскаго, Чубинскаго, Бравича, Уралова, Тихомірова. Г-жа Се-
 ливанова (Маргарита)—на обложкѣ.

Открыта подписка на 1905 годъ
 на журналъ
„Театръ и Искусство“
 (IX-й годъ изданія).

52 №№ журнала 24 книги „БИБЛИОТЕКИ“. Въ библиотекѣ будутъ помѣщены около 30 новыхъ репертуарныхъ Пьесъ, романы, повѣсти, статьи научно-популярнаго содержанія. 2—3 выпуска „словаря сценическихъ дѣятелей“. Нотныя приложенія.

7 руб. — годъ, 4 руб. — полгода.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: 3 руб. при подпискѣ и по 2 руб. къ 1 апрѣля и 1 июня.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Спб. Моховая, 45. Телеф. № 1669. Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской, въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго—въ пассажѣ.

Отдѣльные №№ продаются по 20 к.
Объявленія—40 к. со строки петита позади текста и 50 к. спереди.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА „Театра и Искусства“: въ С.-Петербургѣ—въ кіоскахъ Пташниковой, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Музыкальный Миръ“ (Морская, 19), Риккеръ (Невскій, 14), Віоле (М. Конюшенная, 16-26), Мелье (Невскій, 20) въ театральной библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пасса-
 жѣ, въ канцеляріи Театральн. Общества и др.; въ Москвѣ—

въ кіоскахъ г. Анисимова, Просина, въ конторѣ Н. Печковской, въ бюро Театр. Общ. и др.; въ Кіевѣ—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатика и Прорѣзной) и въ конторѣ „Прима“ (Нестеровская ул., 29); въ Одессѣ—въ кн. маг. С. В. Можаровскаго (Пассажъ) и въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой; въ Харьковѣ—въ магазинахъ „Трудъ и Забава“ (Сумская, около драмат. театра) и Дредера (Московск. ул.) въ Кишиневѣ—у Д. І. Криммера (Пушкарская д. Шварцмана) и на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Правила редакціи: рукописи, доставленные безъ означенія гонорара, считаются бесплатными. Мелкія рукописи не сохраняются.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ редакціи

Редакція, приступая къ составленію XIII и XIV выпусковъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“, проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ Лѣб. и М. послѣдить высылкой портретовъ и биографическихъ данныхъ.

Новая пьеса

„ТОЖЕ ГЕРОИ“

въ 4 д., соч. А. П. Вершинина.

Обращ. въ контору журнала „Театръ и Искусство“.

На-дняхъ выйдутъ изъ печати слѣдующія изданія „Театра и Искусство“.

„КРЫЛЬЯ СВЯЗАНЫ“, И. Потапенко (ближ. новинка Александр. театра).

„РАБЫ“, п. въ 4 д. И. Платонова (ближ. пост. Московскаго Новаго театра).

„ЛОБЪДИТЕЛЬ“, п. въ 4 д. Е. Карпова (новинка Спб. Малаго театра).

„ЖАРЪ ПТИЦА“, ком.-шутка въ 4 д. В. О. Трахтенберга. (Новинка театра Корша).

„СЕГОДНЯ“

новая пьеса Вл. О. Трахтенберга, вышла изъ печати. Обращ. въ конт. журн. „Театръ и Искусство“.

Словарь

СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

(выпуски за прежніе годы) для гг. подписчиковъ журнала „Театра и Искусства“ высылаются за 2 р. съ пересылкой.

НОВАЯ ОПЕРА

подъ управленіемъ

князя А. А. Церетели.

Театръ Спб. Консерваторіи.

Репертуаръ съ 15 по 20-е Ноября 1904 г.: Понедѣльникъ, 15-го: 7-й спект. 1-го абонементъ. „Русалка“ (Г-жи Брунъ, Добржанская; гг. Лебедевъ, Варягинъ и др.).—Вторникъ, 16-го: „Ромео и Джульетта“ (Г-жи Акцери, Добржанская; гг. солистъ Егс Величества Н. Н. Фигнеръ, Каміонскій, Романовъ, Варягинъ и др.).—Среда, 17-го: 4-й спект. 3-го абон. „Лакмѣ“ (Г-жи Вандеръ-Брандтъ, Кузнецова-Венуа, Добржанская; гг. Томарсъ, Тучанскій, Сибиряковъ и др.).—Четвергъ, 18-го: „Африканка“ (Г-жи Брунъ, Негринъ-Шмидтъ; солистъ Егс Величества Н. Н. Фигнеръ, Виноградовъ, Романовъ, Варягинъ и др.).—Пятница, 19-го: 7-й спект. 2-го абон. „Паяцы“ (Г-жи Инсарова; солистъ Егс Величества Н. Н. Фигнеръ, Каміонскій, Романовъ и др.). „Риголетто“ (2-й и 3-й акты) (Г-жи Негринъ-Шмидтъ; гг. Томарсъ, Виноградовъ, Варягинъ и др.). Суббота, 22-го: По случаю симфоническаго концерта спектакля нѣтъ.

Билеты на всѣ объявленные спектакли продаются ежедневно въ кассѣ „Новой Оперы“ (зданіе Спб. Консерваторіи) съ 10 ч. у. до оконч. спектакля.

„ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ“

Зданіе „Пассажъ“ Итальянская, 19. ☉ Дирекція В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ. Въ воскресенье 14-ноября въ 23 разъ „Кукольный домъ“ (Нора) др. въ 3 д. соч. Ибсена, пер. Гензена.—Нач. въ 8 час. веч.—15-го: „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара—Коммиссаржевская.—16-го: „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара—Домашева.—17-го: по удешев. цѣн. въ 12 разъ „Дядя Ваня“, сцены изъ деревенской жизни въ 4 д. соч. А. Чехова. Участв. г-жи Будкевичъ, Коммиссаржевская, Охотина, Строганова; гг. Каширинъ, Новосіловъ, Самойловъ, Успенскій, Чубинскій.—18-го: „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара—Коммиссаржевская.—19-го: „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара—Домашева.—21-го: „Кукольный домъ“ (Нора). Готовится къ постановкѣ „Авдотьяна жизнь“, соч. С. Найденова.

Театры Спб. Городскаго Попеч. о народн. трезвости.

Театръ Народнаго дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 14-го Ноября днемъ: „РАЗРЫВЪ ТРАВА“, веч.: „БОЯРИНЪ НЕЧАЙ НОГАЕВЪ“—15-го: „1812-й годъ, ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“—16-го: „БЕЗПРИДАННИЦА“.—17-го: „ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТЪ“.—18-го: „РАЗРЫВЪ ТРАВА“.—19-го: „ЦАРЬ ІОАННЪ III“.

Готовится къ постановкѣ большая историческая пьеса въ 5-ти дѣйств. 12-ти карт.: „ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ СУВОРОВЪ“.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стеклан. зав.).

Въ Воскресенье, 14-го Ноября: „ПАРИЖСКІЕ НИЩЕ“.—18-го: „ДАРМОВЪДКА“.
 Зав. театр. частью А. И. Алексѣевъ.

С.-Петербургъ, 14 ноября 1904 г.

Совѣтъ Т. О. разослалъ черезъ Бюро сценическимъ дѣятелямъ циркуляръ (№ 3306, отъ 16 октября), которымъ „предлагаетъ“ „присоединиться“ къ „соглашенію“, состоящему изъ трехъ пунктовъ:

1) Мы, артисты и артистки, обязуемся заключать сдѣлки при посредствѣ Бюро; о сдѣлкѣ, заключенной на словахъ, немедленно сообщать Бюро совмѣстно съ предпринимателями.

2) Мы, артисты и артистки, обязуемся не поступать на службу къ предпринимателямъ, которые включены въ „Списокъ лицъ, коимъ, по постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, отказано въ посредничествѣ Бюро“. Если кто-либо изъ насъ, сценическихъ дѣятелей, нарушитъ это обязательство, то покорнѣйше просимъ (?) Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества лишить его посредничества Бюро, не включая фамиліи въ означенный списокъ.

3) Въ виду опыта минувшаго сезона, принесшаго матеріальный результатъ, далеко не отвѣчающій нашимъ намѣреніямъ въ отношеніи обезпеченія специальнымъ фондомъ Убѣжища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей и Пріюта для дѣтей, мы обязуемся взаимно ежедневнаго жалованья въ пользу означенныхъ учреждений, добровольно уплачивать $\frac{1}{2}$ в. съ каждого рубля (со 100 р. 50 к.), производя уплату пополумѣсячно, при чемъ предоставляемъ право предпринимателю удерживать означенныя пожертвованія для отправления въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, по истеченіи каждого мѣсяца.

Исторія этого циркуляра, разосланнаго „во исполненіе постановленія Совѣта“, сколько намъ извѣстно, такова: въ комисіи, засѣдавшей постомъ нынѣшняго года въ Москвѣ, уже къ концу засѣданій, было выработано двоякаго рода соглашеніе: одно для антрепренеровъ, другое для актеровъ. Съ формальной стороны, кругъ вѣдѣнія комисіи былъ ограниченъ пересмотромъ договора, и вышеуказанное „соглашеніе“ являлось уже, такъ сказать, „ein kleines Extra“, какъ говорятъ нѣмцы. Если антрепренеры, присутствовавшіе въ комисіи въ весьма большомъ числѣ, имѣли, дѣйствительно, возможность говорить отъ своего лица, то актеры лишь „представляли“ и „замѣщали“ своихъ товарищей. Но не въ этомъ центръ тяжести во проса. Не трудно убѣдиться, что совершенно неодинакова соотносительная „тяжесть“ этихъ „добровольныхъ“ соглашеній и совершенно неодинаковыя изъ нихъ вытекаютъ послѣдствія. Въ то время какъ кругъ актеровъ достаточно широкъ и потому обязательство антрепренеровъ не принимать на службу актеровъ, которымъ отказано въ „посредничествѣ“, не представляетъ для первыхъ особаго стѣсненія, — обязательство актеровъ не поступать къ антрепренеру, которому почему-либо отказано въ посредничествѣ, во-первыхъ, суживаетъ кругъ службъ самихъ актеровъ, а во-вторыхъ — что еще болѣе важно — равняется *букально* лишенію антрепренера правъ промысла. Вотъ, по слухамъ, „отказано въ посредничествѣ“ г. Бородаю. Г. Бородай — антрепренеръ, имѣющій, такъ сказать, свою страницу въ исторіи русскаго провинціального театра и въ настоящее время являющійся распорядителемъ опернаго и драматическаго театровъ въ Киевѣ, что, конечно, было бы невозможно, если бы за г. Бородаемъ числились проступки, влекущіе „лишеніе гражданскихъ правъ“. Подписавъ разосланное „добровольное“ соглашеніе, актеры произносятъ „смертный“ приговоръ надъ одной изъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ антрепризъ, не говоря уже о томъ, что, напримѣръ, оперные артисты, члены Т. О., лишаются одного изъ немногихъ оперныхъ антрепренеровъ, обезпечивающихъ имъ, какъ можно судить по опыту прошлаго, исправное полученіе жалованья.

Конечно, можно возразить, что „подписка“, въ

сущности, юридически не имѣетъ никакого значенія, а нравственныя послѣдствія ея нарушенія ослаблены тѣмъ, что нарушившіе подписку актеры, хотя и лишаются посредничества Бюро (о чемъ, по неудачной редакціи соглашенія, актеры сами „просятъ“), но имена ихъ въ публикуемый списокъ не включаются. Но мы имѣемъ въ виду достоинство Т. О. и его членовъ, требующее крайне внимательнаго и исполненнаго сознанія отвѣтственности отношенія къ принимаемымъ на себя обязательствамъ. Въ № 13 „Театра и Искусства“ за 1902 г. мы писали по поводу объясненія бывшаго юрисконсульта Т. О. г. Быховскаго, даннаго въ Москвѣ при первомъ опытѣ составления списка лицъ, которымъ отказывается въ посредничествѣ: „Что Бюро Т. О., охраняя достоинство своей комисіонной дѣятельности, лишаетъ посредническихъ услугъ сомнительныхъ антрепренеровъ и профессионально недобросовѣстныхъ актеровъ — это понятно и естественно. Но если это „недовѣріе“ распространить дальше, то всѣ поименованныя въ списокѣ лица оказались бы выброшенными за бортъ, вообще. Это — несправедливо.“ Весьма цѣнно было также замѣчаніе г. Быховскаго, что „осуществленіе этой регламентаціи, конечно, будетъ принадлежать во всей мѣрѣ союзу сценическихъ дѣятелей“. Въ № 12 за тотъ же годъ мы говорили: „Т. О. имѣетъ полное право допускать въ свою среду только тѣхъ, кто ему пріятенъ. Это право всякаго общества. Здѣсь можно говорить лишь о порядкѣ примѣненія этой мѣры. Въ этомъ смыслѣ мы скажемъ, что будучи Обществомъ, управляемымъ общими собраніями, оно въ послѣднихъ имѣетъ ту инстанцію, которая можетъ пересмотрѣть постановленіе Совѣта“.

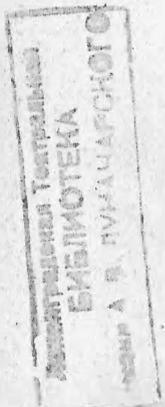
Такъ представлялся намъ вопросъ въ то время. Отсутствіе „общихъ собраній“, кромѣ годовыхъ, въ Петербургѣ, отсутствіе союза сценическихъ дѣятелей и наконецъ, отсутствіе санкции общаго собранія для соглашеній, вродѣ вышепоименованнаго, ставитъ, при подписаніи разосланнаго „добровольнаго“ соглашенія, актеровъ лицомъ къ лицу съ весьма отвѣтственнымъ актомъ самоограниченія. Вопросъ слишкомъ серьезенъ.

8-го ноября скончался въ Петербургѣ маститый педагогъ и крупный общественный дѣятель Николай Федоровичъ Бунаковъ. Имя его крупными буквами вписано въ исторію русскаго народнаго просвѣщенія. Предъ могилою этого симпатичнаго дѣятеля — прибавимъ — почтительно должны склониться также и всѣ дѣятели русскаго театра.

Глубокая преданность покойнаго дѣлу народнаго просвѣщенія достаточно извѣстна, но мало кому знакома не менѣе плодотворная дѣятельность почившаго въ области народнаго театра. Статьи его и замѣтки по этому вопросу разбросаны въ специальныхъ педагогическихъ изданіяхъ.

Считаемъ долгомъ напомнить объ этомъ обстоятельствѣ.

Лѣтъ 15 тому назадъ Н. Ф., видя въ театральныхъ представленіяхъ одно изъ средствъ для внѣшкольнаго образованія, организовалъ въ своемъ домѣ въ селѣ Петинѣ, Воронежской губерніи, спектакли съ исполнителями изъ крестьянъ. Новаго въ этомъ ничего не было; много раньше въ различныхъ уголкахъ дѣлались такія же попытки — пріучить деревню къ театральнымъ представленіямъ. Громадная же заслуга Н. Ф. передъ русскимъ народнымъ театромъ состоитъ въ томъ, что онъ

трезво взглянувъ на дѣло, не увлекся, подобно большинству, театромъ, какъ новымъ средствомъ *учить* народъ, а видѣлъ въ театрѣ только средство доставить трудящемуся чернорабочему человѣку хорошее развлечение, здоровое, освѣжающее и возвышенное.

„Безъ сомнѣнія“—писалъ онъ въ своей статьѣ „Опытъ народнаго театра“—театръ можетъ и будетъ способствовать смягченію нравовъ, но не нарочитой поучительностью, а именно какъ удовольствіе высшаго порядка... Неумѣлая погоня за поучительностью какъ разъ можетъ испортить дѣло“.

Попробовавъ ставить въ своемъ театрѣ поучительныя пьески, специально написанныя для деревенскихъ спектаклей, онъ далъ такой приговоръ этой литературѣ: „простая театральная публика, руководимая только непосредственными впечатлѣніями, обладаетъ хорошимъ и вѣрнымъ чутьемъ, легко угадывающимъ всякую фальшивую выдумку, сочиненную для ея поучения, какъ бы искусно она ни была замаскирована“. Не менѣе цѣненъ и другой его выводъ изъ наблюденій надъ деревенской публикой: народную публику особенно интересуютъ тѣ представленія, „которыя даютъ изображенія не заурядной будничной жизни, а чего либо выходящаго изъ ряда, что, напримѣръ, отличается трагическимъ или героическимъ характеромъ, или что очень забавно, что поражаетъ или вызываетъ неудержимый смѣхъ“.

Народный театръ Н. Ф. Бунакова, какъ и книги его, испыталъ на себѣ силу подозрительности мѣстныхъ властей, но результаты его опытовъ сохранились въ печати и ждутъ своей оцѣнки. Миръ праху этого неумоимаго работника земли русской!

Насколько справедливы были наши замѣчанія по поводу неустойчивости театральнаго хозяйскаго права и вытекающей отсюда невозможности приравнять театры, съ точки зрѣнія фискальнаго обложенія, къ торговымъ заведеніямъ,—лучше всего доказываетъ недавнее обсужденіе театральнаго вопроса въ казанской городской думѣ. Цитируемъ по отчету мѣстной газеты.

Губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе опротестовало нѣкоторыя статьи выработаннаго городской управой и утвержденаго 10 сентября думой договора съ арендаторомъ городского театра, касающіяся времени начала спектаклей и размѣра цѣны на мѣста. Докладывая объ этомъ, городской голова предлагаетъ на усмотрѣніе думы, находить ли она нужнымъ и возможнымъ обжаловать такое постановленіе губернскаго присутствія. Хотя въ настоящее время получено разрѣшеніе отъ г. полиціймейстера на открытіе спектаклей въ назначенное въ договорѣ время и на оставленіе цѣны на мѣста въ опредѣленномъ управою размѣрѣ, однако такая зависимость отъ г. полиціймейстера, который можетъ измѣнить время и цѣны по своему усмотрѣнію, едва ли представляется удобной для городского управления.

Гл. В. М. Ключниковъ. Обжаловать постановленіе присутствія нѣтъ возможности, потому что оно основано на законѣ. Но я думаю, что законъ этотъ слишкомъ устарѣлъ. Необходимо довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о такомъ законѣ, который связываетъ городу руки въ такомъ дѣлѣ, какъ сдача театра. Цѣны не фиксированы и г. полиціймейстеръ можетъ ихъ во всякое время измѣнить. Антрепренеръ снимаетъ театръ при однѣхъ цѣнахъ, а поведетъ дѣло,—цѣны могутъ быть другія.

Если, такимъ образомъ, г. полиціймейстеръ связываетъ „городское управленіе“, то кольми-паче можетъ связать частное театральное хозяйство! Едва ли нужно болѣе краснорѣчивое подтвержденіе всей неопредѣленности, въ которую поставлена театральная собственность. Если невозможно утвердить ее на общихъ основаніяхъ—то невозможно и промысловое обложеніе.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ убитъ прапорщикъ запаса Н. С. Черниковъ, бывший артистъ, одно время служившій въ Народномъ Домѣ Императора Николая II.

— Администраторъ харьковской оперы М. М. Валентиновъ пріѣзжалъ на дняхъ въ Петербургъ, чтобы пригласить на гастроли „для поправленія дѣла“ г-жу Вяльцеву.

— Таганрогскимъ уполномоченнымъ Р. Т. О. вмѣсто уѣхавшаго изъ Таганрога г. Серебрякова, назначенъ бывший артистъ А. Н. Говбергъ (Яггелово), служащій теперь дѣлопроизводителемъ таганрогской городской управы.

— И. Н. Маржецкій, по сценѣ Мартыновъ, игравшій нѣсколько сезоновъ у г. Брагина въ 1-мъ обществ. собраніи, какъ прапорщикъ запаса, призванъ на военную службу.

— Въ настоящемъ зимнемъ сезонѣ исполняется 25-лѣтіе службы на Императорской сценѣ Н. П. Шаповаленко.

— 7-го ноября с.-петербургская консерваторія праздновала юбилей инспектора С. Габеля, по поводу исполнившагося 25-лѣтія его музыкально-педагогической дѣятельности. Юбилару были поднесены подарки отъ сослуживцевъ, бывшихъ учениковъ, а нынѣ артистовъ Императорскихъ и частныхъ оперъ. Учащимся былъ поднесенъ адресъ, въ которомъ они благодарятъ его за теплое, чисто отеческое отношеніе къ нимъ.

— Аделина Патти пріѣзжаетъ въ Петербургъ со спеціальной цѣлью дать концертъ въ пользу русскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ. Концертъ состоится 1-го декабря въ Дворянскомъ собраніи.

— На дняхъ въ Александринскомъ театрѣ начнутся репетиціи „Антигоны“ Софокла, подъ режиссерствомъ А. Санина.

— Правительствующій Сенатъ, по дѣлу объ искѣ фирмы Бессель и К^о къ дирекціи Императорскихъ театровъ о правѣ получения поспектальной платы за представленіе на сценахъ Императорскихъ театровъ оперы Чайковского „Опричникъ“, высказался, что право автора музыкальнаго произведенія на поспектальную плату есть право *личное* и оставилъ кассационную жалобу Бесселя на постановленіе двухъ низшихъ инстанцій, отказавшихъ Бесселю въ искѣ, безъ послѣдствій.

— „Антрепренеръ“ Марининъ, устраивавшій въ Михайловскомъ манежѣ увеселенія для народа, по приглашенію городского самоуправленія украсившій по случаю 200-лѣтія Петербурга столицу, и наконецъ сдѣлавшійся антрепренеромъ театра въ Сестрорѣцкѣ, приговоренъ Окружнымъ судомъ къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ за... кражу изъ магазина 35 дамскихъ шляпъ съ отдѣлкой страусовыхъ перьевъ и искусственныхъ цвѣтовъ, лентъ, кружевъ и др. товара на сумму около 800 руб.

* * *

Московскія вѣсти.

— Намъ пишутъ: артистъ театра Корша Аркадьевъ и артисты Малаго театра Щеголевы и Ленинъ призваны въ армию, какъ прапорщики запаса.

31 октября въ Филармоническомъ Драматическомъ училищѣ состоялся ученической спектакль выпускныхъ учениковъ по классу О. А. Правдина, —шелъ водевилъ „Вамъ такія сцены знакомы?“ и „Ошибки молодости“,—въ послѣдней пьесѣ выдѣлились Попова и Рейхштадтъ. Жаль, что учениковъ заставляютъ переигрывать такую антихудожественную старину.

— Дума постановила организовать во вновь выстроенномъ городскомъ Народномъ домѣ общедоступныя чтенія и литературно-музыкальныя исполненія, ассигновавъ на этотъ предметъ въ распоряженіе управы 8,000 руб.

— Городское управленіе ознаменовываетъ 10-лѣтіе со дня кончины А. Г. Рубинштейна постановкой его бюста въ первомъ городскомъ Народномъ домѣ.

— Первое представленіе ибсеновскаго „Джона Габриэля Боркмана“ предположено въ Маломъ театрѣ на 19-е ноября.

— Въ труппу г. Корша приглашена г-жа Лысенко—молодая артистка, только годъ тому назадъ окончившая драматическія курсы при Художественномъ театрѣ.

— Въ Москвѣ идутъ даѣ передѣлки „Воскресенія“. Г. Ге исклѣчительное право постановки своей „Катюши Масловой“ предоставилъ артисту Яковлеву-Востокову; послѣднимъ составлена труппа, которая и дастъ рядъ представленій въ Интернациональномъ театрѣ. Передѣлка г. Арбенина идетъ въ „Эрмитажѣ“ у г. Сабурова. Для исполненія заглавной роли приглашена артистка казенныхъ театровъ г-жа Панова; роль кн. Нехлюдова поручена г. Сарматову.

* * *

† Н. Н. Балкашинъ. 12 ноября въ лечебницѣ Св. Ольги скончался извѣстный провинціальный артистъ Никаноръ Никаноровичъ Балкашинъ, мужъ провинціальной артистки Н. И. Невѣровой. Покойный болѣе полугода лежалъ въ больницѣ, разбитый параличемъ. Въ № 37 журнала въ письмѣ въ редакцію указывалось на ужасное положеніе покойнаго.

„Больничное начальство не желает его долѣе держать, какъ неизлѣчимо больного, а кругомъ нѣтъ ни одной родной души, которая своимъ вниманіемъ и помощью уследила-бы послѣдніе дни страдальца“. Балкашинъ проработалъ съ честью на сценѣ въ продолженіи 30 лѣтъ слишкомъ.

* * *

† **Н. А. Волнова-Сантова.** 9 ноября въ Убѣжищѣ скончалась бывшая балетная артистка, Надежда Александровна Волкова-Сантова. Покойной было 75 лѣтъ.

* * *

Въ концѣ ноября сего года въ воронежскомъ городскомъ театрѣ будетъ праздноваться 25-лѣтіе сценической дѣятельности извѣстнаго въ провинціи антрепренера Андрея Андреевича Линтварева. А. А. происходитъ изъ дворянъ Харьковской губерніи; родился въ г. Харьковѣ 29 сентября 1861 года въ квартирѣ покойнаго драматурга Виктора Дьяченко, которому онъ приходится внукомъ. Будучи воспитанникомъ Сумскаго реальнаго училища, А. А. участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ; по окончаніи училища, 18 лѣтъ, поступилъ въ труппу антрепренера Г. А. Выходцева въ г. Елисаветградъ. Сценическіе успѣхи его росли довольно быстро и вскорѣ А. А. завоевалъ репутацію хорошаго драматическаго любовника; съ успѣхомъ служилъ въ Кіевѣ (антреприза Н. Н. Савина), въ Казани (антреприза В. В. Серебрякова), въ Харьковѣ (товарищество М. М. Бородея) и въ др. крупныхъ городахъ. Въ промежуткахъ между службою у антрепренеровъ А. А. самостоятельно антрепренерствовалъ въ Елисаветградѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Ригѣ, Екатеринодарѣ, Екатеринослабѣ и др. Послѣдніе десять лѣтъ, по настоянію врачей, вслѣдствіе болѣзни сердца, окончательно прекратилъ свое участіе въ спектакляхъ и занялся исключительно антрепризой и режиссерствомъ и считаетъ теперь однимъ изъ лучшихъ въ провинціи режиссеровъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу, энергія и большой опытъ даютъ А. А. хорошіе результаты въ особенностяхъ за послѣдніе шесть лѣтъ въ г. Воронежѣ.

* * *

12 ноября въ театрѣ „Буффъ“ праздновала 25-лѣтіе своей артистической дѣятельности **Е. И. Варламова.** Е. И. внучка извѣстнаго композитора А. Е. Варламова. Родилась въ Петербургѣ въ 1854 г., образование получила въ пансіонѣ Щерба. Впервые выступила въ драмѣ въ 1879 г. и съ этихъ поръ посвятила себя сценѣ, играя въ опереткѣ, комедіи и фарсѣ. Въ провинціи служила мало.

Е. И. Варламова.

(къ 25-лѣтію сценич. дѣятельн.).

Спектакли въ Ново-Адмиралтейской столовой продолжаютъ собирать многочисленную публику; въ минувшее воскресенье очень удачно прошла комедія Островскаго „Волки и Овцы“ въ исполненіи г-жи Онѣгиной, гг. Травскаго, Рахманова и др. Страніями режиссера и администратора Н. С. Вехтера театрикъ въ настоящее время сталъ неузнаваемъ, въ наилучшемъ смыслѣ слова, заведены не дурныя декорации, мебель и т. д. Репертуаръ тоже по возможности разнообразный, рядомъ съ мелодрамами ставятъ классическія комедіи и драмы.

* * *

На ряду съ „Новымъ театромъ“ г-жи Яворской работаетъ еще болѣе новый ея же театръ „Комедія“. Въ воскресенье, 7 октября, шла здѣсь переводная трехактная комедія Христиенсона „Долли“. Пьеса незамысловатая. Много въ ней придуманнаго, притянутаго за волосы, но, повидимому, публикѣ пьеса понравилась. Роль графа, совершеннаго рамолирика прекрасно провель г. Горевъ. Въ роли Долли не безъ успѣха выступила начинающая артистка г-жа Ренина. Были у нея мѣста слабыя, кое-гдѣ не хватало голоса, но въ общемъ тонъ юной, порядочной и чистой дѣвушки, не могущей себѣ усвоить азбуки буржуазной морали, былъ переданъ ею очень недурно. Послѣ „Долли“ шелъ водевилъ „Переѣзжаю къ маменькѣ“, а затѣмъ, уже въ шинельной, прошелъ съ успѣхомъ небольшой импровизированный водевилъ, самодѣльный: почти подрались двѣ дамы изъ-за первенства на театральнаго капелъдинера, который очень медленно раздавалъ пальто и калоши. Инцидентъ, впрочемъ, серьезныхъ послѣдствій не имѣлъ.

* * *

По словамъ „Вил. Вѣстн.“, студентомъ новороссійскаго университета И. М. Данскимъ отправленъ былъ въ Петербургъ

гр. Воронцову-Дашкову проектъ обложенія театральнаго билета однопроцентнымъ сборомъ въ пользу „Краснаго Креста“. По вычисленіямъ г. Данскаго, по истеченіи одного лишь года „Красный Крестъ“ получитъ сумму, превышающую полтора милліона рублей. По полученнымъ въ Одессѣ свѣдѣніямъ главное управленіе російскаго „Краснаго Креста“ занялось разработкой этого вопроса, и въ скоромъ будущемъ театральные билеты будутъ обложены этимъ сборомъ.

* * *

Концерты въ память А. Г. Рубинштейна. Въ память 10-лѣтія кончины А. Г. Рубинштейна русское музыкальное Общество устроило цѣлыхъ три концерта, прекрасно обрисовавшихъ творческую дѣятельность Рубинштейна съ трехъ сторонъ, какъ симфониста, фортепіаннаго и камернаго композитора.

Первый и самый интересный изъ нихъ, симфонической вечеръ, устроенный въ субботу, 6-го ноября, къ сожалѣнію омрачился однимъ грустнымъ инцидентомъ, показавшимъ, что большая часть собравшейся не бываломъ количествѣ публики, посѣтила концертъ исключительно изъ-за своего любимаго Шалаяпина, совершенно не интересуясь Рубинштейномъ и его произведеніями.

Наша публика не сознаетъ еще, что первая заповѣдь нашей религіи, „не сотвори себѣ кумира“, въ полной силѣ примѣнима и къ искусству, и что нельзя себѣ ничего представить оскорбительнѣе и пагубнѣе для искусства, чѣмъ послѣдствія неисполненія этой заповѣди. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Когда г. Шалаяпинъ, дѣйствительно идеально законченно пропѣвшій три романса Рубинштейна по программѣ и еще два на bis, окончательно откланялся публикѣ, такъ что уже отодвинули рояль и уже сталъ выстраиваться на эстрадѣ хоръ Архангельскаго, на хорахъ начались дикіе, неистовые крики. Среди общаго шума можно было разобрать отдѣльные взвизгивающіе голоса: „пойте!“, „курсистки требуютъ!“ „изъ Фауста!“ (!!) Помощникъ режиссера, вышедшій объясниться и выходившій на эстраду пѣвцы хора Архангельскаго были при этомъ ослѣплены и подняты на смѣхъ этой милой, „культурной“ публикой, не сознающей даже и того, что нѣтъ ничего гаже издѣвательства толпы надъ безпомощнымъ и ни въ чемъ невиноватымъ челоукомъ. Г. Шалаяпинъ принужденъ былъ еще разъ выйти на эстраду и хотѣлъ обратиться къ публикѣ съ рѣчью, но едва онъ открылъ ротъ, какъ опять раздался крикъ: „не надо говорить“, „пойте!“; тогда онъ безнадочно махнулъ рукой и ушелъ уже окончательно. А на эстрадѣ давно уже стоялъ все время наготовѣ почтенный, убѣленный сѣдинами артистъ, г. Архангельскій и тшкетно ждалъ своей очереди, чтобы выступить съ рядомъ интересно и красиво задуманныхъ хороуыхъ произведеній Рубинштейна. Было невыразимо грустно отъ сознанія этого поруганія искусства, этого глумленія надъ нимъ, этой лжи, которой являлся среди всего этого увѣнчаный золотыми лаврами и утопавшій въ зелени бюстъ Антона Григорьевича. Такъ чествовала его память наша интеллигентная публика.

Участвовавшій въ этомъ концертѣ съ большимъ успѣхомъ пианистъ Павелъ Конъ (фортепіанный концертъ Es—dur) на слѣдующій день, въ воскресенье, устроилъ въ большомъ залѣ консерваторіи бесплатное музыкальное утро, посвященное исключительно фортепіаннымъ сочиненіямъ Рубинштейна. Какъ и полагается для бесплатнаго концерта, публики было видимо-невидимо, на долю артиста выпалъ громадный успѣхъ, его безчисленное число разъ вызывали, читались даже благодарственные рѣчи, былъ поднесенъ цѣнный подарокъ. All right!

Г. Конъ носить теперь почетное званіе профессора Вѣнскаго консерваторіи. Игра его также умна, осмысленна, какъ и раньше, пожалуй еще законченнѣе, но по прежнему рѣдки у него моменты искренняго вдохновенія. Что касается программы этого музыкальнаго утра, которое, кстати, г. Конъ намѣренъ устроить и во многихъ другихъ городахъ, гдѣ находится Отдѣленія русскаго Музыкальнаго Общества, то при составленіи ея артистъ, очевидно, руководствовался желаніемъ познакомить публику съ наименѣе извѣстными и все-таки заслуживающими вниманія фортепіанными произведеніями Рубинштейна въ родѣ интересныхъ Вариаций ор. 104, посвященныхъ С. А. Малоземовой, Ballade „Léonore“, Sérénade ор. 22 и др. Какъ бы то ни было эта программа вполне ярко обрисовала всѣ особенности и фортепіаннаго творчества Рубинштейна, страдающаго порой длиннотами, мѣстами-же доходящаго до изумительнаго подъема настроенія, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вырабатывается у Рубинштейна этотъ типичный для него „благородно-декламаторный“ стиль.

Этотъ-же стиль характеренъ и для камерныхъ произведеній Рубинштейна, какъ показало посвященное его памяти второе квартетное собраніе (во вторникъ, 9-го ноября). Изъ трехъ исполненныхъ въ этотъ вечеръ камерныхъ произведеній Рубинштейна самымъ интереснымъ оказалось самое юное—квартетъ F—dur, всего только ор. 17! Въ немъ мы наблюдаемъ (особенно въ финалѣ) изумительно красивую, классически-ясную форму, сквозь которую должно было пройти его творчество, чтобы развить въ послѣдствіи вполне самостоятельный характерно-Рубинштейновскій стиль.

Въ фортепианномъ квартетѣ (С-dur, op. 66), написанномъ и по настроенію и по формѣ весьма неровно, выступилъ впервые участвующій въ концертахъ русскаго Музыкальнаго Общества пианистъ, В. В. Покровскій. Мы его слышали раньше какъ ученика проф. С. А. Малоземовой; теперь, это—законченный, своеобразный артистъ. У него прекрасная техника, игра его полна мощи и благороднаго темперамента, и, если еще и чувствуется въ ней стремленіе къ гущенію красокъ въ ущербъ полутонамъ, такъ это, на нашъ взглядъ,—только временное у него увлеченіе.

А. Калъ.

* * *

Концертъ въ память А. Г. Рубинштейна. Въ воскресенье, 31 октября, музыкальный кружокъ студентовъ нашего университета симфоническимъ концертомъ почтилъ десятилѣтіе со дня смерти А. Рубинштейна. Въ I отдѣленіи студенческой оркестръ подъ управленіемъ г. Сасъ-Тисовскаго исполнилъ огромную симфонию „Океанъ“. Разучить эту симфонию—трудъ немалый. Молодой дирижеръ достоинъ всяческой похвалы за добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Тщательность передачи произвела отрадное впечатлѣніе. Чувствовалось, что играютъ живые люди, вполне сознающіе и прочувствовавшіе содержание композиціи. Не было бы большой бѣды, если бы г. Сасъ-Тисовскій ограничился передачей лишь первыхъ четырехъ частей симфоніи. Три послѣднія части, добавленныя Рубинштейномъ впоследствии, значительно слабѣе первыхъ. Въ нихъ много банальнаго: развѣ только скерцо можетъ пожалуй стать на одну высоту съ первыми частями.

II отдѣленіе концерта было удѣлено солистамъ. Студентъ г. Савицкій чисто передалъ съ оркестромъ первую часть g-dur'наго скрипичнаго концерта. Г. Доброхотовъ толково провѣлъ партію виолончели въ сонатѣ для виолончели и фортепиано. Г. Личахчи музыкально спѣлъ нѣсколько романсовъ, и г. Клименко весьма мило сыгралъ I часть d' moll'наго концерта для фортепиано съ оркестромъ. Словомъ, концертъ вышелъ очень удачнымъ. Студенческому музыкальному кружку остается пожелать всяческаго преуспѣянія...

М. Нестеровъ.

* * *

Въ Александринскомъ театрѣ возобновили старую пьесу А. А. Потѣхина—„Въ мутной водѣ“. Пьеса относится еще къ эпохѣ „ликвидациі“ крѣпостнаго права, и дѣйствіе ея протекаетъ „въ ожиданіи реформъ“. Слушая эту пьесу, невольно думалось о томъ, какъ измѣнились формы драматическихъ произведеній. Ясность и даже подчеркнутая ясность положеній—главнѣйшее условіе прежнихъ пьесъ. Ничего недосказаннаго и неопредѣленнаго, такъ чтобы зритель ни о чемъ не нужно было догадываться и ни надъ чѣмъ не приходилось ломать голову. А теперь? Все въ интимной недоговоренности, намекахъ, полусловахъ, въ „догадайся самъ!“ Публикѣ задаются ребусы, и иной разъ кажется, что все удовольствіе отъ спектакля въ томъ, чтобы разгадать шараду.

Простыя пьесы просто и легко играть.

Очень хорошо сыграны были роли г. Ленскимъ (старый графъ), г. Давыдовымъ (управляющій), г-жей Васильевой (графиня). Г. Ге шаржировалъ въ роли Кукука—секретаря графини. У г. Ге даже голосъ какой-то иностранный, и при желаніи артистъ могъ безъ малѣйшаго шаржа отлично сыграть Кукука. Блѣдною были сыграны роли г-жей Стравинской и г. Ходотовымъ. Г. Ходотовъ—актеръ „новыхъ вѣяній“, т. е. вѣрнѣе, находится подъ ихъ вліяніемъ. Бородкина онъ игралъ хорошо, а „Въ мутной водѣ“ словно считалъ ниже своего достоинства разыграться.

* * *

Первое представленіе „Дачниковъ“ послужило поводомъ для маленькаго скандала: восторженный приемъ автору, устроенный частью публики, и змѣнное шипѣніе другой части. Говорятъ, еще въ Москвѣ, на первомъ представленіи „На днѣ“ одинъ извѣстный писатель воскликнулъ, при видѣ бѣснованій: „вотъ вѣнчаютъ самозванца на царство!“ Но онъ не шикалъ. А въ Петербургѣ, говорятъ, нѣкоторые литераторы шикали Горькому. Можетъ быть, это также „новое вѣяніе“, но мы его не раздѣляемъ. Шикать можно пошлости, Горькаго же, во всякомъ случаѣ, упрекнуть въ пошлости нельзя. Грубость, страстная и воинственная риторика, закланіе агнца искусства на алтарь публицистики—все что угодно, но только не пошлость.

О пьесѣ—см. ниже статью. Пересказать содержаніе „Дачниковъ“ невозможно, а судить болѣе обстоятельно можно будетъ только по выходѣ книги, который ожидается въ декабрѣ.

Н. Н.

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

*** Въ „воспоминаніяхъ“ Сары Бернаръ, печатающихся на страницахъ англійскаго журнала, находимъ слѣдующія любопытныя строки о сценической психологіи мужчины и женщины:

„Мужчины болѣе завидуютъ женщинамъ, чѣмъ женщины одна другой. Я встрѣчала много враговъ среди актеровъ и очень мало среди актрисъ. По-моему драматическое искусство есть существенно женское. Разрисовывать себѣ лицо, скрывать свои настоящія чувства, стараться нравиться и привлекать на себя вниманіе—все это пороки, за которые мы порицаемъ женщинъ, но которымъ оказываемъ, однако, большое снисхожденіе. Тѣ же самыя изъяны, наоборотъ кажутся отвратительными въ мужчинѣ. Между тѣмъ актеръ обязанъ стараться быть какъ можно привлекательнѣе, хотя бы для этого ему понадобилось прибѣгать къ косметикамъ, накладной бородѣ и парикю.

Какъ бы то ни было, но актеръ, безспорно, завидуетъ актрисѣ. Любезность благовоспитаннаго мужчины исчезаетъ передъ рампой, и актеръ, который въ частной жизни всегда готовъ вывести женщину изъ затрудненія, затѣетъ съ ней ссору на сценѣ. Онъ способенъ рисковать жизнью, спасая ее отъ опасности на пути, на поѣздѣ желѣзной дороги или въ лодкѣ, но на подмосткахъ тотъ же самый человѣкъ не выручитъ ее ни за что, если память измѣнитъ ей, а если она поскользнется, онъ, не колеблясь, толкнетъ ее. Можетъ быть, я сужу рѣзко, но не такъ рѣзко, какъ это, пожалуй, кажется“.

Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующая параллель между „артистомъ“ и актеромъ. „Артистъ есть творецъ, создатель традицій, которая простой актеръ, хотя бы и великій, только собираетъ, чтобы пользоваться ими. Во всѣхъ отношеніяхъ лучше быть артистомъ, чѣмъ только актеромъ. Великій артистъ можетъ быть весьма жалкимъ актеромъ, великій же актеръ можетъ быть очень далекъ отъ того, чтобы стать артистомъ. Во Франціи и въ другихъ странахъ я знаю весьма немногихъ актеровъ, соединяющихъ въ себѣ оба эти качества. Генри Ирвингъ превосходный артистъ, но въ немъ артистъ преобладаетъ надъ актеромъ. Кокленъ превосходный актеръ, но не артистъ. Мунэ-Сюлли одаренъ гениемъ, который онъ иногда отдастъ въ распоряженіе артиста, иногда же въ распоряженіе актера; но съ другой стороны онъ порою впадаетъ въ утрировку, какъ артистъ и какъ актеръ, доводя до зубоваго скрежета поклонниковъ красоты и правды. Бартэ—актриса въ полномъ смыслѣ слова, съ весьма утонченнымъ артистическимъ чутьемъ. Режанъ самая законченная изъ актрисъ и артистка, когда она захочетъ. Элеонора Дуззъ больше актриса, чѣмъ артистка; она ходитъ по путямъ, проложеннымъ другими; она имъ не подражаетъ, конечно, нѣтъ, потому что сажаетъ цвѣты тамъ, гдѣ были деревья, и деревья тамъ, гдѣ росли цвѣты, но никогда собственнымъ искусствомъ не создала она ни единого живого лица, которое отождествилось бы съ ея именемъ; она не воплотила въ себѣ существа или видѣнія, непреодолимо напоминающаго ее. Она надѣла на себя чужія перчатки, но вывернувъ ихъ наизнанку. И все это Дуззъ продѣлала съ несравненной граціей и безпечной безсознательностью. Она великая актриса, весьма великая, но небольшая артистка“.

Характеристики эти оставляемъ на отвѣтственности Сары Бернаръ. Она, очевидно, причисляетъ себя къ „артисткамъ“. Не будемъ спорить изъ любезности.

*** Курьезная афиша выпущена въ г. Череповцѣ. Въ ней объявляется объ открытіи спектаклей въ Народномъ домѣ труппой русскихъ драматическихъ артистовъ, состоящихъ „изъ дѣйствительныхъ членовъ Императорскаго Русскаго театральнаго общества“. Кромѣ того сверху въ углахъ пропечатано: „Императорскаго Русскаго театральнаго общества“. Совсѣмъ новый родъ „ансамбля“. Обывателей г. Череповца афиша, должно быть, повергла въ пріятное недоумѣніе—„у насъ будетъ играть труппа „дѣйствительныхъ членовъ“, думаетъ обыватель и въ ожиданіи открытія сезона предается сладостнымъ мечтаніямъ.

*** Кэкъ-уокъ, подвергнутый остракизму. Въ фарсѣ „Кавалерійская атака“, поставленномъ въ Таганрогѣ драматической труппой С. И. Крылова, всей труппой былъ исполненъ кэкъ-уокъ. Находя вполне резонно, что въ серьезномъ драматическомъ театрѣ не мѣсто кэкъ-уоку, заступающій мѣсто полиціймейстера, по словамъ „Таганр. Вѣстн.“, объявилъ администраціи труппы категорическое распоряженіе—не допускать впредь танца кэкъ-уокъ на сценѣ городского театра...

РАЗГОВОРЪ ОБЪ АКТЕРЪ.

I.

Актеры и критики.

Старый актер молча вошелъ въ комнату, молча вынулъ газету изъ бокового кармана и ткнувъ пальцемъ въ обведенный синимъ карандашемъ столбецъ, сунулъ ее въ руку писателя. Тотъ пробѣжалъ мелкія строки и такъ-же молча передалъ газету своему сосѣду.

— Ну, и что же?—спросилъ профессоръ, прочитавъ рецензію.—Ругается.

— Ругается — подтвердилъ писатель.

— Именно ругается—заговорилъ актеръ.—Не осуждаетъ, не объясняетъ, не освѣщаетъ, а ругается.

— И пусть ругается. Не впервые. Не привыкать стать!

— Не могу привыкнуть, — загорячился актеръ.—Всю жизнь видѣлъ то-же, а не могу привыкнуть. Не могу примириться съ такой бранью. По какому праву онъ бранится? Шенюкъ! Молокосось! И судить-то ему меня не пристало. А онъ даже не судить, а ругается.

— Что дѣлать?—примиряюще замѣтилъ профессоръ.—Каждому свое. Одни дѣйствуютъ, другіе оцѣниваютъ. Если не всегда послѣдніе на высотѣ своей задачи, то вѣдь и первые часто не доросли до нея. Бываютъ неподобающія и даже неприличныя по тону рецензіи, но бываютъ и раздражающіе и возмутительныя акты.

— И все-таки это не оправданіе.

— Конечно, нѣтъ, — согласился писатель. — Въ этомъ отношеніи мы, писатели, находимся въ такомъ-же неблагоприятномъ положеніи, какъ и дѣятели сцены. Мнѣ это положеніе представляется въ такомъ видѣ. Съ одной стороны многочисленные авторы, писатели, драматурги и еще болѣе многочисленные актеры; съ другой — относительно немногочисленные критики-рецензенты. На сторонѣ первой категории лицъ, т. е. авторовъ, не только численное преимущество и превосходство въ смыслѣ личной творческой работы, но и высшій уровень культуры; на сторонѣ вторыхъ, т. е. актеровъ—то же численное преимущество и превосходство въ смыслѣ подготовки къ дѣятельности, избранной ими. Конечно, бываютъ разныя исключенія, но о нихъ говорить нечего. Ну, вотъ. И несмотря на это количественное и нерѣдко качественное превосходство первыхъ двухъ категорій, онѣ по отношенію къ третьей находятся въ самомъ неблагоприятномъ положеніи.

— И замѣтите: не только здѣсь въ Россіи, но и на Западѣ, гдѣ вопросъ этотъ поставленъ такъ-же остро, какъ и у насъ.

— Совершенно вѣрно. Въ Европѣ, какъ и здѣсь, установилась особая этика, не позволяющая тѣмъ, чьи произведенія, чья дѣятельность въ области искусства подвергаются оцѣнкѣ, публично выступать съ

возраженіями или самозащитой. Вызвано это тѣмъ, что критика стала-бы невозможной, если-бы могла оспариваться всякимъ заинтересованнымъ лицомъ и превратилась-бы въ постоянную ссору, въ нескончаемую перебранку.

— Такое соображеніе имѣетъ цѣну только въ томъ случаѣ, если рецензенты, въ пользу которыхъ оно направлено,—люди образованные, искренніе и безпристрастные, — замѣтилъ профессоръ. Къ сожалѣнію...

— Къ сожалѣнію,—подхватилъ актеръ,—эти качества являются только исключеніями. А между тѣмъ мы вправѣ требовать...

— Культурности и честности—перебилъ его писатель. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ, написавшій пьесу, отдастъ ее на судъ сначала театра (директора, труппы), затѣмъ публики, отъ которыхъ вполнѣ зависимъ. Точно такъ-же и актеръ подчиненъ ди-

— ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ. —

„Дачники“ М. Горькаго. 3-е дѣйствіе—Пикникъ въ лѣсу.

Рис. М. Слѣпана.

ректору, автору и публикѣ. За недостатки или неудачи они терпятъ самое чувствительное и прямое наказаніе и во всякомъ случаѣ не дѣйствуютъ ни матеріально, ни нравственно въ ущербъ другому лицу. Есть извѣстный рискъ, который несутъ сообща авторъ новой пьесы, дирекція, взявшая ее и исполнители. Критикъ ничѣмъ не рискуетъ, хотя очень часто дѣйствуетъ другимъ въ ущербъ. Отсюда враждебныя столкновенія, вродѣ писемъ въ газеты или статей Генри Боэра послѣ представленія его пьесы «*Sa Maifresse*» въ Парижѣ, или Зудермана или одного англійскаго драматурга, въ самомъ недавнемъ прошломъ. То, что сходило людямъ съ извѣстнымъ положеніемъ и именемъ, недоступно всѣмъ остальнымъ; въ сущности, и Боэръ и Зудерманъ не вышли побѣдителями, ибо отвѣтить на отповѣди, которыми были встрѣчены ихъ протесты, имъ было уже неудобно.

— Не лучше обстоитъ дѣло и съ нами—снова заговорилъ актеръ.—Изрѣдка истощается терпѣніе и кто-нибудь рѣшается высказать вслухъ все, что накипѣло. Если это артистъ съ именемъ, ему это иногда сходило. Въ противномъ случаѣ, такую выходку или осмѣиваютъ или замалчиваютъ.

— Въ этомъ отношеніи—продолжалъ писатель,—

— *В* ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ. *В* —

„Дачники“, М. Горькаго.

Г-жа Коммиссаржевская.—Варвара Михайловна.

Рис. М. Слѣпьяна.

положеніе рецензентовъ до того выгодное и удобное, что они даже не хотятъ вникать въ сущность вопроса. Большинство газетъ отнеслось отрицательно къ «циркуляру», разосланному въ прошломъ году Совѣтомъ Театрального Общества, въ которомъ предлагалось высказаться по данному вопросу и предложить возможные для него разрѣшенія, а нѣкоторыя даже прямо отрицали существованіе самого вопроса, какъ будто наличность многочисленныхъ столкновений не устанавливаетъ его достаточно прочно.

— Дѣлалось это не только печатно, — сказалъ профессоръ. — Когда въ декабрѣ 1902 года П. Д. Боборыкинъ предложилъ въ Артистическомъ клубѣ въ Москвѣ рядъ вопросовъ по этому поводу и ограничиваясь ролью Speaker'a въ англійскихъ собраніяхъ, разъяснилъ, какъ надо отвѣчать на поставленные имъ вопросы о драматургахъ и рецензентахъ, и затѣмъ только руководилъ преніями, не дѣлая самъ никакихъ заключеній или выводовъ, нужно было видѣть, съ какимъ ожесточеніемъ, не шадя личныхъ нападокъ, накинулись журналисты на тему, какъ осуждали ее, терзали, рвали на клочки, съ какимъ озлобленіемъ отрицали сущность возбудившаго вопроса и свели пренія къ подкупности или неподкупности печати русской и иностранной. Оказывалось, что остальная Европа въ подметки не годится Россіи и что если на Западѣ дѣйствительно драматическая критика стоитъ не на высотѣ, вся цѣликомъ продажна, то въ Россіи наоборотъ.

— Но вѣдь это совершенно невѣрно — прервалъ его писатель. — Заграничную критику нельзя равнять съ нашей. Если тамъ въ газетахъ существуютъ отдѣлы,

гдѣ подкупъ и шантажъ сдѣлались обычными, то именно среди критиковъ этого нѣтъ. Возьмемъ для примѣра парижскую прессу: вездѣ строго отдѣлены драматическая критика отъ театральнаго репортажа. Последний, можетъ быть, не чистъ на руку, но первая стоитъ очень высоко, подписывается громкими именами и обвинениямъ въ продажности даже тамъ не подвергается.

Достаточно назвать Эмиля Фаге (Journal des Débats), Катиолла Мендеса (le Journal), Ларрумэ (Temps). Жюль Леметръ (Echo de Paris), недавно умершаго Анри Фуке (Figaro), Эдмонда Се (Presse), Рене, Мезеруа, Бриссона и др. Это все громкія во Франціи и за ея предѣлами имена писателей, ученыхъ, людей съ серьезнымъ образованіемъ, знающихъ дѣло, любящихъ его и относящихся къ нему съ рѣдкой добросовѣстностью.

Г. Юрьевъ, задумавшій сблизить актеровъ и критиковъ, учредить «академію», гдѣ тѣ и другіе сходились бы, знакомились, сблизались, и научались дѣлать разными средствами общее дѣло, а не становиться другъ передъ другомъ какъ враждебныя и чуждыя силы, былъ, пожалуй, правъ. Въ этомъ единственный цѣлесообразный выходъ изъ настоящаго положенія.

— Съ этимъ нельзя не согласиться, — снова заговорилъ профессоръ. — Но для того, чтобы изъ этого что-нибудь вышло, нужно было-бы критикѣ сначала проникнуться тѣми принципами, на которыхъ основывается ее, напримѣръ. Camille Mauclair въ своей послѣдней книгѣ «Les idées vivantes». Критика должна перестать быть рецензіей, или отчетомъ, т. е. паразитомъ, питающимся чужой дѣятельностью, живущимъ чужимъ творчествомъ. Она должна быть творчествомъ сама, самостоятельнымъ и равноправнымъ всякому другому.

Чѣмъ она должна стать и на чемъ основаться — вопросъ слишкомъ сложный. Но каково должно быть отношеніе критики къ критикуемому, можно опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ: «Прежде всего — говоритъ Camille Mauclair — нужно умѣть любить: т. е. подходить къ каждому произведенію съ чувствомъ любви къ тѣмъ, кто пытался создать что-то, болѣе или менѣе близкое внутреннему идеалу творившаго. Затѣмъ — нужно умѣть судить, т. е. изучать произведеніе, отвлекаясь отъ собственныхъ наклонностей и разсматривать, что авторъ хотѣлъ выразить соотвѣтственно своимъ. И судить можно только о томъ, воспользовался-ли авторъ техническими средствами, находившимися въ его распоряженіи, въ смыслѣ своихъ личныхъ стремлений и наклонностей. Въ третьихъ — нужно сравнивать: чтобы опредѣлить степень оригинальности автора, нужно сблизать его съ тѣми, которые развивали подобныя-же темы или настроенія.

И, наконецъ, въ четвертыхъ, слѣдуетъ классифицировать, или, сообразоваться въ исторіи литературы или искусства, вообще, со значеніемъ разбрасываемого движенія или явленія, поскольку авторъ причастенъ къ нему и вліяетъ на другіхъ. Чтобы осмѣливаться говорить о чужомъ произведеніи, нужно всегда чувствовать неудовлетворенность своими знаніями не только въ искусствѣ или въ искусствахъ, но и въ наукахъ, въ морали, въ философіи, потому что все это включено въ сознаніе челоука и всякое произведеніе создается изъ всего, что въ челоуческомъ сознаніи заключается».

— **ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.** —

Г-жа Холмская.
(Докторша Марія Львовна).

Г. Чубинскій.
(Докторъ Дудаковъ).

Г. Александровскій.
(Инженеръ Сусловъ).

Г. Гардинъ.
(Писатель Шалимовъ).
Рис. М. Демьянова.

„Дачники“ М. Горькаго.

Статья Maucclair'a о критикѣ начинается пересфразой извѣстнаго изреченія Sieyes'a: «что такое критика? Ничего. Чѣмъ она должна быть? Всѣмъ». И кончается опредѣленіемъ: «критиковать—это значитъ не «судить», а «понимать».

— Не мѣшало-бы также помнитъ—замѣтилъ актеръ—что говорилъ Ибсенъ о поверхностныхъ рецензентахъ, считающихъ своей обязанностью то чрезмѣрно расхваливать, то безконечно хулить. «Если рецензентъ, пишетъ Ибсенъ, не имѣетъ въ виду приносить пользу автору произведенія или актерамъ, указать имъ на ихъ промахи и выдвинуть хорошія ихъ стороны, достойныя культивировки, онъ вообще не имѣетъ нравственнаго права дѣлиться съ обществомъ своими мнѣніями. Но вѣдь ни служители сцены, ни драматурги не могутъ извлечь для себя никакой пользы изъ рецензій, заключающей въ себѣ лишь одни лавровые листья или одни только «палочные удары».

— Не мѣшало-бы—съ улыбкой прибавилъ профессоръ—помнить и о томъ, что писалъ Ибсенъ объ актерѣ: «театръ приобретаетъ въ его лицѣ художника, и служитель сцены долженъ обладать не только дарованіемъ, но и артистической душой. Артистъ никогда не долженъ смотрѣть на сцену какъ на поприще для достиженія личнаго успѣха или личныхъ выгодъ. На первомъ планѣ должны быть интересы общаго характера. Артистъ долженъ явиться настоящимъ жрецомъ искусства».

С. Рафаловичъ.

ПАМЯТИ В. И. СИЗОВА.

Умеръ Вл. Ил. Сизовъ.

Блестящій ученикъ знаменитаго въ свое время профессора К. К. Герца, покойный могъ сдѣлаться выдающимся университетскимъ дѣятелемъ, но его живая страстная натура не могла удовлетвориться сухой наукой и свои богатые знанія онъ понесъ на служеніе искусству. Онъ весь отдался живописи и театру, особенно театру, который онъ любилъ кажется больше всего на свѣтѣ. Стѣны его кабинета были увѣшаны портретами актеровъ знаменитыхъ, извѣстныхъ и даже со-всѣмъ неизвѣстныхъ. И всѣхъ ихъ онъ любилъ одинаково горячо, одинаково нѣжно. „Это мой иконостасъ“, говорилъ онъ, „какъ станеть невтерпѣжъ отъ житейскихъ прелестей, гляжу на нихъ и легче станеть“. Фактическая его связь съ

театромъ выразилась въ томъ, что въ 1888 г. онъ былъ преподавателемъ бытовой исторіи на Московскихъ Казенныхъ драматическихъ курсахъ. Мимо него прошло цѣлое поколѣніе теперешнихъ артистовъ и во всѣхъ нихъ онъ старался вложить ту горячую любовь къ искусству во всѣхъ его видахъ, которая такъ сильно жила въ немъ самомъ. Курсы оцѣнили работу Сизова и онъ былъ выбранъ въ почетные члены конференціи—честь, которая выпадаетъ на долю очень немногихъ преподавателей.

Когда на должность управляющаго московскими театрами былъ назначенъ В. А. Теляковскій, Сизову сразу же открылось интересное поле для примѣненія своихъ знаній. Ему было поручено завѣдываніе художественной частью постановки всѣхъ историческихъ пьесъ. И надо было видѣть, сколько любви и труда вложилъ Сизовъ въ это дѣло. Съ ранняго утра до поздней ночи искалъ онъ въ библиотекахъ и музеяхъ Москвы необходимыхъ рисунковъ и справокъ, а ночью самъ усталой рукой составлялъ проекты костюмовъ грима, мебели. Кто видѣлъ, какъ шли за послѣдніе годы въ Москвѣ „Троянцы“ Берліоза, „Псковитянка“ Римскаго-Корсакова (эту постановку видѣлъ въ прошломъ году и Петербургъ, куда были привезены всѣ костюмы, сдѣланные по рисункамъ Сизова) „Ромео и Джульетта“ и множество другихъ „костюмныхъ“ пьесъ, тотъ оцѣнитъ работу Сизова. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ—сохранять историческую вѣрность и въ то же время не нарушать ни красоты ни удобства костюма, а у другихъ непременно что-нибудь изъ двухъ да окажется обиженымъ—либо археологія, либо красота. Дирекція Императорскихъ театровъ воздала бы должное памяти покойнаго, если бы въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ своего „Ежегодника“ опубликовала хоть часть изъ той массы собственноручныхъ эскизовъ покойнаго, которая хранится въ ихъ конторѣ.

Эта громадная работа не тяготила Сизова, заваленнаго кромѣ того казенной службой въ музеѣ, журнальной работой и т. п. Для театра у него всегда находились и силы и время. Его работа оставалась въ тѣни, публика про нее не знала, но это нисколько не ослабляло его энергіи: онъ былъ счастливъ, что могъ работать для своего кумира.

Дай Богъ, чтобы у русскаго театра было побольше такихъ незамѣтныхъ, но горячихъ и искреннихъ друзей.

Проф. Б. Варнеке.

„ДАЧНИКИ“.

Въ «Дачникахъ» М. Горькій, можно сказать, почти въ первый разъ, переноситъ дѣйствіе въ среду такъ называемой интеллигенціи—того класса, котораго скорбнымъ поэтомъ былъ Чеховъ. Я высказалъ, если читатели припомнятъ, свой взглядъ на основной мотивъ чеховской поэзіи въ статьѣ своей «Грусть Вишневаго сада». Я,

вообще, думаю, что несчастье человеческого духа возможно только в двух случаях: во-первых, в случае утраты наивности, и тут я припоминаю Шиллера:

Nur der Irrthum ist das Leben,
Und das Wissen ist der Tod.

И во-вторых, в случае отсутствия энтузиазма. Вѣры? поправяете вы. Нѣтъ, это другое понятие. Я говорю именно об энтузиазмѣ, о восторгѣ, об оргіи. Вѣра можетъ быть спокойная, а если она спокойна, то она наивна, хотя, конечно, не в одинаковой степени съ наивностью первобытнаго сознанія. Энтузиазмъ — есть вѣра мгновенная, вѣра вспышекъ. Энтузиазмъ есть состояніе горѣнія. Нужно, чтобы въ душѣ былъ горючій матеріалъ, а уже загорѣться можно отъ всего: отъ тренія, концентраціи солнечныхъ лучей, спички, отъ удара молніи—не все-ли равно?

Меня всегда плѣняла въ Горькомъ, т. е. въ его произведеніяхъ — эта способность горѣть, эта неизжитость жизни. Чеховъ происходилъ изъ купцовъ, но скорбь его была дворянская. Люди его, какъ Гаевъ въ «Вишневомъ садѣ», изжитые. Все познано. Всякая вещь, всякая эмоція, всякая радость жизни перепробованы и перечувствованы. Во всемъ осадокъ; исчезло наивное, святое, тайное созерцаніе жизни, т. е. чувствованіе ея въ красотѣ, въ единствѣ, въ цѣлокупности. Горькій вышелъ изъ темныхъ нѣдръ народа, который еще не жилъ. Природа, мораль, любовь, политика, женщины — ничто не успѣло примелькнуться. Тутъ были и непосредственная дикость, и инстинктъ, не отравленный стыдомъ.

Въ «Дачникахъ» Горькій рисуетъ, какъ я уже сказалъ, нашу интеллигенцію—наименѣе «органической» классъ русскаго общества. Ни красы инстинкта, ни первобытной дикости народныхъ низинъ и босяцкой вольницы, ни наивной твердой вѣры мѣшанства. Чтобы жить—не скажу счастливою, полною, — но хотя бы интересною жизнью, остается энтузиазмъ. Нужно увлекаться, горѣть, трепетать. А нѣтъ этого—какая пошлость, съ одной стороны, и унылая скорбь—съ другой!

«Дачники»—это символъ. Эти господа, населяющіе подмосковную мѣстность, всю застроенную однотипными домиками, съ неизбежными клумбами, канавками и палисадниками, съ обязательно открытою сценою, на которой упражняются любители драматическаго искусства, а въ сущности, изнывающіе отъ тоски господа интеллигенты, съ обязательно тѣсною и обязательно шаблономъ лѣтнихъ удовольствій, а главное, съ этою зеленѣющею природою, которая такъ запакочена скучно, вяло, неопредѣленно и неискренно живущими людьми.

Мнѣ очень понравилась постановка 2 акта на сценѣ «Драматическаго театра». Сцена маленькая, и при необходимости установить всѣ эти палисадники, клумбы, скамьи, сцены, изгороди, балконы и канавы—получалось впечатлѣніе какого-то удивительно «обложенаго» блюдечка, чего-то не настоящего, игрушечнаго: ни по тѣснотѣ, ни по навязчивости, ни по бессмысленному сочетанію несоединимаго и во всякомъ случаѣ разнороднаго элемента, не вѣрилось, что такъ, въ такой сутолокѣ, въ такомъ мельканіи, можно жить безъ отвращенія. Словно все ихъ дѣло—насорить, наслѣдить въ жизни. И чѣмъ прекраснѣе былъ этотъ окружающій «шишкинскій лѣсъ», тѣмъ противнѣе казалось все это общество гг. дачниковъ, у которыхъ все одинаково: одинаково, подъ красный цвѣтъ, выкрашенные палисадники, одинаковые балкончики, завѣшенные парусин-

ными занавѣсками съ фестончиками, одинаковая, не смотря на разные будто бы фасоны, сѣрость — мысли, чувства, настроеній. Вспоминаешь Рескина и его сѣтованія на то, что люди загадили природу.

Насорить... Когда я думаю о томъ, какъ течетъ обычная жизнь нашего «средняго интеллигента», то никакъ не могу отдѣлаться отъ этого сравненія. Жизнь—это зеленая чудесная лужайка, среди привольной, свѣжей роши. И жизнь прекрасна въ чистотѣ своей, если ростъ жизни, процессъ ея принимаются просто, съ «довѣріемъ», по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Горькаго, Двуеточія (кстати, нужна-ли была такая шаржированная фамилія?).

Жизнь прекрасна, сливаясь съ природою въ пантеистическомъ аккордѣ. И наконецъ, жизнь прекрасна, когда предъ нею цѣль, когда она освѣщена энтузиазмомъ борца за общественное дѣло. Если же ничего этого нѣтъ,—на свѣтломъ ликѣ природы совершенно такъ же, какъ на свѣжемъ бархатѣ лужайки, гдѣ происходитъ пикникъ дачниковъ, остается соръ, кучка всякаго мусора и всякихъ отбросовъ, и тогда является трудящійся народъ и снова прибираетъ за гг. дачниками намусоренное и насоренное, объѣдки вкусныхъ, недоѣденныхъ до конца, яствъ, осколки недопитыхъ бутылокъ, этикетки, бумажки и разные оброненные сувениры. И надъ всѣмъ этимъ стоитъ тяжелый запахъ «человѣческаго благополучія», по мѣткому выраженію Шедрина.

Дачная жизнь — не настоящая жизнь. Въ этомъ ея отличие отъ трудовой, т. е. настоящей. Она разсчитана на *voire, manger et sortir*, на безконечный праздникъ, на безцѣльное толканіе сборища людей на узенькомъ пространствѣ, хотя окрестъ такая ширь, такая даль! И вся эта «неорганическая» часть нашего общества, весь этотъ толкающійся, сорящій, мусорящій людъ, оставляющій слѣды своего гулянья на чистой и невинной глади природы—это дачники. Дачники всѣ, у кого нѣтъ постоянной квартиры, кто живетъ въ наскоро сколоченныхъ домахъ, дешево, пестро и однообразно разукрашенныхъ. «Всѣ мы странники, какъ тучки небесныя»—это образъ, выношенный наивною поэзіею пантеизма. Но всѣ мы дачники, очень несерьезно живущіе въ несерьезныхъ жилищахъ и остерегающіеся перевозить съ собою тяжелый скарбъ, накопленный поколѣніями, завѣтные ларцы, наслѣдственные задачи — таковъ образъ культурно-испакошеннаго интеллигента.

«Возведите случайный фактъ вашего существованія на степень общественной необходимости», говоритъ Марья Львовна — одна изъ тѣхъ, которыя знаютъ чего хотятъ и которыя имѣютъ свое «дѣло»—нервничавшему и дергающемуся Рюмину. Но какъ возвести? Когда «необходимость» чувствуется—порядокъ вещей уже, стало быть, установился; уже есть связь предыдущихъ и послѣдующихъ; уже сложился результатъ, итогъ существующихъ слагаемыхъ. Это все равно, что сказать слѣпому: «Смотри и наслаждайся!» Для того, чтобы видѣть, слѣпому нужно прозрѣть; для того, чтобы положить, возвести случайный фактъ своего бытія на степень общественной необходимости, нужно социально-этическое предрасположеніе, нужно въ себѣ носить готовую клѣтку материнства, ждущаго оплодотворенія идеею блага. Скажу короче—нужна способность зажигаться для того, чтобы горѣть.

Когда вопросъ о «дачѣ», какъ о нелѣпомъ безтолковомъ временномъ проживаніи человѣка ставится такъ, какъ онъ, повидимому, поставленъ у Горькаго, то нужно показать постоянную квартиру. Я говорю это не потому, что врагъ идеи «всеобщей сытости» и демократическихъ идеаловъ. Но

— ВЪ НАРОДНЫЙ ДОМЪ. —

„Принцесса Турандотъ“ Шиллера. 1-й актъ.

слѣдуетъ согласиться, что и всякая иная идея, искренняя, правдивая и выстраданная, имѣетъ право на существованіе, и среди этихъ идей—идея ничтожества, страха смерти, отчаянія предъ неумолимостью мирового процесса. Слѣдуетъ помнить, что всему сущему, текущему, временному—противопоставлена жажда безсмертнаго; что счастье условнаго можетъ быть всегда разрушено призраками абсолютнаго. Герои Чехова также понимали «общественно-необходимое» и «всеобщую сытость», но понимать не значить еще находить выходъ изъ анеміи, скуки, шаблона и безсилія.

Счастье человѣка либо въ наивности первобытнаго существованія, либо въ наивности пантеистическаго созерцанія, либо въ наивности энтузіазма. Горькій показалъ наивность всѣхъ трехъ сортовъ, и я очень хорошо понимаю Нила съ его жаждою «мѣсить жизнь и такъ, и этакъ». Но мнѣ кажется, что въ «Дачникахъ» этого нѣтъ, что рацеи Марьи Львовны отличаются нѣкоторымъ резонерствомъ, что она, въ которой долженъ былъ чувствоваться энтузіазмъ, дерзость наивной вѣры, смѣлость и ясность парящей души, сама, въ сущности, не очень «довѣрчиво» смотритъ на жизнь и ея боится. Марья Львовна, молодая женщина 37 лѣтъ, мать 18-ти-лѣтней дѣвушки, любитъ пылкаго юношу, но такъ какъ у нея клокъ сѣдыхъ волосъ и «три вставныхъ зуба», то она, «растерявшись»; какъ «баба», отрекается отъ этого чувства, хотя сама признается, что «голодная». У нея нѣтъ смѣлости, у этой Марьи Львовны, нѣтъ дерзости, нѣтъ энтузіазма, когда все кажется прекраснымъ, дозволеннымъ, возможнымъ, потому что на всемъ лежитъ облако поэзіи, и красота—это великое начало преображенія—способна загуманить все. Ну, вотъ, она дѣлаетъ «дѣло» «всеобщей сытости» — а счастлива она? Счастлива она, отрекаясь отъ личной жизни? Но зачѣмъ

тогда она плакала? И зачѣмъ ее такъ мучительно жаль?

Въ пошлой средѣ дачницъ и дачниковъ, разумѣется, имѣются тоскующія души: къ ихъ числу относится Варвара Михайловна. Ее играла г-жа Коммисаржевская, съ обычною, чарующею вибраціею своего нѣжнаго голоса, и когда она рассказывала о «писателѣ», котораго какъ-то видѣла на вечерѣ, и потомъ уже на сценѣ въ этомъ писателѣ такомъ сухомъ, себялюбивомъ и погруженномъ въ тайны своего ремесла, разочаровалась—мнѣ все время припоминалась «Чайка»,—сюжетъ для небольшого рассказа—и господинъ Тригоринъ. Горькій явно не любитъ своего писателя, и устами все той же Марьи Львовны, отчитываетъ его за то, что неизвѣстно, другъ-ли онъ, врагъ-ли, между тѣмъ какъ русский писатель *обязанъ* вести своихъ братьевъ кверху. Скажу однако, что какъ ни сухъ выведенный Горькимъ писатель, все же и онъ заслуживаетъ снисхожденія. Онъ самъ, повидимому, терзается тѣмъ, что не знаетъ, какое слово нужно читателю и мучительно его подыскиваетъ. По крайней мѣрѣ, онъ это говоритъ. Но, собственно, какое же «слово» онъ можетъ сказать, и далѣе, въ чемъ спасеніе, если слово это будетъ сказано? Развѣ Марья Львовна не говоритъ своего «слова», и развѣ это слово не прекрасное? А развѣ отъ того, что она, какъ «митральза», выпаливаетъ свои слова, въ тоскующихъ душахъ водворяется порядокъ, а въ пошлыхъ—зажигаются свѣтъ, и «дачники» перестаютъ сорить за собою? Почему бы не предположить Горькому, что то же самое можетъ случиться съ его писателемъ, т. е. что онъ «слово» скажетъ, и будетъ оно грандіозно, какъ идея «всеобщей сытости», а между тѣмъ въ жизни произойдетъ то же самое, что происходитъ въ пьесѣ «Дачники», т. е. что писатель приѣдетъ, всѣхъ «разсудитъ», подобно Марьѣ Львов-

нѣ, а гг. дачники по прежнему будутъ сорить, вздыхать и слоняться?

Идея, какъ разсудочное богатство не «державшей» Марьи Львовны, въ сущности, никому и никогда счастья прибавить не можетъ. Идея есть мертвое царство. Всѣ гг. дачники—люди съ идеями, только живутъ они прескверно. Потому что дѣло не въ идеяхъ, не въ идеяхъ—просто, а въ идеяхъ-чувствахъ, въ сладкомъ гипнозѣ, бодрой, сверкающей жизни, въ энтузиазмѣ, въ горѣннѣ, въ смѣнѣ настроеній, въ поэзии, въ религіи красоты—въ искусствѣ.

Да, вотъ что нужно! Людямъ, для ихъ счастья, нужна не резонирующая Марья Львовна, но горячая, дерзкая, смѣлая, заражающая всѣхъ окрестъ кипѣніемъ своей натуры, и не просто писатель-женъ, который будетъ говорить умныя слова, какъ говорить герой Горькаго, да и самъ Горькій, но писатель-поэтъ, дающій намъ обманъ чувства, открывающій намъ радость восторга, непостижимое, неразложимое, изначальное искусство.

И соглашаясь съ прекрасными идеями Горькаго, съ его неукротимымъ демократизмомъ, съ великимъ сознательнымъ нравственной обязанности, лежащей на писателѣ,—я спрошу его, что онъ далъ намъ, дачникамъ, въ смыслѣ искусства, восторга, энтузиазма, т. е. того именно, чѣмъ лечится больной, изстрадавшійся духъ?

На этотъ вопросъ, по справедливости, я долженъ отвѣтить: немного, хотя талантъ Горькаго и сказывается въ нѣкоторыхъ фигурахъ, въ отдѣльных сценахъ. И непосредственно-горьковское (фигуры Двоеточія, напоминающаго Маякина, Юліи Филипповны, напоминающей дѣвушку изъ романа «Грое») мнѣ нравится гораздо больше, чѣмъ навѣянное Чеховымъ. А Чеховъ имѣетъ громадное, можно сказать, покоряющее вліяніе на Горькаго. И какъ странно! Этотъ нѣжный, какъ женщина, талантъ Чехова и грубый, мощный, неуклюжий даръ Горькаго! Въ третьемъ актѣ «Дачниковъ» цѣлый рядъ сценъ явно навѣянъ Чеховымъ. Три женщины сидятъ на стогѣ сѣна и говорятъ въ припадкѣ меланхолии: «Грустно мы живемъ, милыя женщины». Это—«Три сестры». Дальше слѣдуетъ объясненіе писателя Шалимова съ Варварой Михайловной, какъ я уже сказалъ, очень напоминающее «Чайку». И наконецъ, заканчивается актъ сценою молодой Сони съ матерью Марьей Львовной. Соня баюкаетъ мать и голубитъ: «не надо плакать!»—говоритъ она. Это чрезвычайно похоже на финалъ «Дяди Вани». Или вотъ еще: взволнованная Марья Львовна говоритъ: «у меня глупое лицо»—цѣликомъ фраза Сони изъ 2 акта «Дяди Вани».

Сценическая архитектоника пьесы очень слаба. Двигается множество фигуръ, преимущественно парами, какъ въ кинематографѣ. Моментальная фотографія страдаетъ, однако, тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что при ней снимки не выдерживаются. Блѣдныя, они мелькаютъ въ едва уловимыхъ намекахъ. Одинъ изъ героев «Дачниковъ», Басовъ, говоритъ какъ-то: «я пантеистъ, я вотъ окуная поймалъ, и снова бросилъ его въ родную стихію». Нѣчто, вродѣ этого пантеизма, равно все объемлющаго, ибо всюду жизнь, представлялъ художественный темпераментъ Чехова. Но Горькій, по моему, не таковъ. Онъ по натурѣ своей романтикъ, по формѣ—риторъ, и этотъ «пантеизмъ», это захватываніе, притомъ безпорядочное, возможно большаго улова въ свои сѣти—у него пріемъ заимствованный; оно не связано общностью единого художественнаго настроенія. Горькій, вообще, не отличается способностями драматическаго писателя: онъ мало чувствуетъ «положенія», и раз-

сказчикъ всегда преобладаетъ въ немъ надъ драматургомъ. «Неподвижность» его театра не есть неподвижность застоявшейся жизни, какъ у Чехова; это неподвижность ритора, рассказчика, трибуна, умѣющаго красно говорить, бросать яркія фразы, но не умѣющаго находить соотвѣтствующія яркимъ словамъ и фразамъ—жизненные положенія. Если на сценѣ что и происходитъ—то это развязка различныхъ положеній. Но какъ создались эти положенія, мы не знаемъ, и оттого вниманіе наше къ нимъ невелико.

Ну, вотъ, облетѣли цвѣты, поднесенные талантливому писателю, догорѣли огни театральной рампы, разошлась молодежь, бурно привѣтствовавшая любимаго писателя. Недолго прозвучали въ ушахъ призывные монологи послѣдняго акта. Они прекрасны, по своему обществу смыслу, эти монологи. Но въдѣ общество—все-же состоитъ изъ «дачниковъ». Ему нужны не призывы, которые только тогда на него дѣйствуютъ, когда уже отвѣчаютъ созрѣвшимъ идеямъ и потребностямъ, но мучительно-прекрасные образы поэзии, сладостные восторги «повторнаго» художественнаго переживания. Нуженъ энтузиазмъ искусства, чтобы найти, если не религію, то хотя-бы хаосъ впечатлѣній, помогающій бодро и радостно жить.

Даетъ-ли это Шалимовъ, такой антипатичный сухарь? Даетъ-ли это Горькій, такой талантливый общественный трибунъ?

А. Кугель.

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

XLI.

И. Н. Потапенко уподобился унтеръ-офицерской вдовѣ, написавъ подъ «Каменнымъ вѣкомъ»—„шуточное представленіе“... Актеры были поставлены въ затруднительное положеніе... „Шуточное представленіе“, что сей сонъ означаетъ? И ничтоже сумняшеся, рѣшили: „валяй, кто во что гораздъ!“ Получилось представленіе не шуточное, а шутовское... Публика обидѣлась на автора пьесы: помилюйте, что онъ насъ совсѣмъ за дураковъ что-ли считаетъ? Слава Богу, сами живемъ въ губернскомъ городѣ... И весьма остроумная по основной мысли и недурная по разработкѣ пьеса погибла при обшемъ негодванні изъ-за неудачнаго подзаголовка. Вслѣдъ за „Каменнымъ вѣкомъ“ наступилъ вѣкъ бенефисный. По изстари заведенному обычаю открылъ его г. Нефѣлинъ. Онъ остановилъ свое вниманіе на пьесѣ князя Барятинскаго—„Карьера Наблоцкаго“. Пьесу сыграли очень недурно, но самъ виновникъ торжества въ роли Наблоцкаго произвелъ на меня нѣсколько неясное впечатлѣніе. Великолѣпно сыграла г-жа Дарьяль сумасбродную Нелли, княжну Старочеркасову. Бенефисъ, какъ всегда, прошелъ весьма помпезно, принесъ имениннику въ изобиліи и оваціи, и ассигнаціи... Вслѣдъ за „Карьерой Наблоцкаго“ шла „Пляска жизни“ того-же автора, но я не видѣлъ ее въ исполненіи нашихъ артистовъ: хорошаго понемножку!.

Г-жа Инсарова для своего бенефиса выбрала „Рабство“ г-жи Зеландъ, пьесу премированную антрепризой Соболевичкова-Самарина. Пьеса безспорно литературная и быть можетъ премія получена ею, какъ говорится, „по всѣмъ правамъ“, но, воля ваша, я не поклонникъ дамскихъ литературныхъ пьесъ... Все въ нихъ гладко, умно и прилично, но банально и скучно. Все умныя, литературно-красивыя разговоры, возвышенныя этаки мечтанія и ни на грошъ простаго, здороваго чувства, движенія, смѣха, или горя и слезъ... Романъ Киры съ Дольскимъ ординаренъ до трафаретности и психологически освѣщенъ совершенно фальшиво. Общественно-бытовая сторона пьесы разработана слабо и общаго интереса не представляетъ... Г-жа Инсарова очень мило, съ подкупающей искренностью, сыграла роль Киры, придавъ ей однако черты нѣсколько отличныя отъ литературнаго подлинника, по крайней мѣрѣ я вынесъ такое впечатлѣніе... Превосходно сыгралъ г. Нефѣлинъ трудную роль Лялина-отца. Очень недурнымъ Дольскимъ былъ г. Булатовъ, а г-жа Болотина типично и бойко передала роль Вари. Третьимъ по счету бенефициантомъ оказался г. Чинаровъ, отпраздновавшій попутно двадцатилѣтній юбилей своего служенія „святому искусству“. Юбилей прошелъ съ аншлагомъ, поднесли лавровый вѣнокъ, жетонъ отъ труппы, что-то цѣнное отъ „дирекціи“ и въ заключеніе г. Матковскій разсыпалъ передъ юбиляромъ перлы своего краснорѣчія, сообщивъ г. Чинарову, что онъ занялъ на сценѣ мѣсто „достойное его дарованія“...

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

В. А. Александровскій.

Н. П. Чубинскій.

К. В. Бравичъ.

И. М. Ураловъ.

І. А. Тихоміровъ.

Похвала до такой степени тонкая и политическая, что, пожалуй, можно принять за насмѣшку... Мудрый, как змій, Г. И. Матковский твердо помнитъ правило: „и въ похвалахъ блюди мѣру“... Юбиларъ былъ такъ-же молодъ и жизнерадостенъ, какъ будто онъ праздновалъ не свой собственный юбилей, а радовался чужому. Есть вѣдь такіе счастливыя, для которыхъ время—просто умозрительная фикція, а не реальная и, увы, безпощадно-жестокій фактъ. Затѣмъ г. Орловъ-Чужбининъ поставилъ „Орленка“, соперничая съ Л. Б. Яворской въ роли герцога Рейхштадтскаго. Роль „Орленка“ г. Орловъ-Чужбининъ ведетъ довольно интересно, тѣмъ не менѣе ни пьеса, ни исполненіе, а тѣмъ паче постановка, не произвели впечатлѣнія. Слащаво, напыщенно и слишкомъ ужъ пахнеть преднамѣренностью заранее разчитанныхъ эффектовъ. Очень интересенъ былъ г. Недѣлинъ въ роли канцлера Меттерниха... Отличный портретный гримъ, рѣдкая выдержанность манеръ и обращенія сглаживали ходульность этой фигуры, нарисованной Ростаномъ въ стилѣ злодѣевъ палерояльскихъ мелодрамъ. Недурна была г-жа Ильнарская въ роли легкомысленной Маріи-Луизы, вздыхающей о генералѣ... Нейперѣ. Безусловно хорошъ былъ г. Волковъ въ маленькой роли барона фонъ-Обенауса. Въ антрактѣ третьяго акта гг. поклонники и поклонницы таланта г. Орлова-Чужбинина поднесли ему адреса съ выраженіемъ своихъ взволнованныхъ чувствъ. Поклонники при этомъ отличились особенной прозорливостью: желая предупредить событія, они писали въ своемъ прошеніи (иначе не знаю, какъ назвать этотъ адресъ) на имя ея всемогущества г-жи Публики: „мы слышали, что вы, уважаемый Яковъ Васильевичъ, покидаете кievскую сцену. Надѣмся, что этого не случится, такъ какъ вѣримъ, что дирекція не остановится ни передъ какими жертвами, чтобы только удержать Васъ у себя“. Это было-бы очень трогательно, если бы не было совершенно безтактно... Публика это поняла и отвѣтила на вызовъ молчаніемъ, которое отнюдь не было согласіемъ съ мнѣніемъ сочинителей адреса... Думаю, что и самъ „уважаемый Яковъ Васильевичъ“ отъ такой преданности и уваженія чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Переходя къ театру оба- грамотности, слѣдуетъ сказать, что и тамъ ничего отраднаго не замѣчается. Поставили „Первую ласточку“ Рышкова, не имѣвшую успѣха въ Москвѣ въ Маломъ театрѣ. Пьеса сошла съ подмостковъ такъ-же быстро, и неожиданно, какъ и появилась... Съ успѣхомъ прошла „Шахта Георгій“—Е. П. Карпова, благодаря главнымъ образомъ относительно очень недурной постановкѣ. Шли „Двѣ сиротки“, „Саф“—Грильпарцера и наконецъ „Передъ восходомъ солнца“—Гауптмана. Въ послѣдней пьесѣ послѣ долгаго промежутка я снова видѣлъ г. Градова. Онъ игралъ Альфреда Лота. Игралъ немножко сухо и сдержанно, но правильно и умно. Въ его роли сохранились только реплики Гофману и романъ съ Еленой Краузе... Всѣ социально-реформаторскія мечтанія были упразднены цензурой... Ну а романтическая-то сторона въ этой пьесѣ Гауптмана наименѣе интересна, быть можетъ, это обстоятельство и повліяло на настроеніе гг. исполнителей. Очень недурнымъ Гофманомъ былъ г. Горинъ-Горяиновъ. Въ общемъ дѣла среднія, сѣренькія и тихія, а что сверхъ того, то отъ лукаваго...

Н. Никольскій.

ПРОСТѢЙШІЙ РЕЦЕПТЪ.

Написать хорошую пьесу трудно, но написать такую пьесу, которую-бы поставили, совсѣмъ легко. Стоитъ только усвоить нѣсколько основныхъ правилъ.

Центромъ пьесы должна быть женщина. Мужчина, какъ-бы ни были интересны его страданія, мало въ комъ возбуждаетъ сочувствіе. Если онъ

обманутый мужъ, говорятъ—дуракъ. Если онъ самъ обманываетъ, говорятъ—негодяй. Но страданія женщины, особенно не очень старой и тоненькой, трогаютъ сердце. Несчастливая, она непонята, она рвется, и такой-ли она достойна участи?

То-же говоритъ и статистика: на одного мужчину, посѣщающаго драматическіе театры, приходится пять женщинъ. Изъ нихъ три—съ достаточно разстроенной нервной системой.

Завязка пьесы, строго говоря, безразлична. Недостатокъ интриги режиссеръ заполнитъ паузами и звуками, а въ минуты, когда авторъ окажется совершенно безсильнымъ, режиссеръ потушитъ электричество и заставитъ артистовъ молча двигаться въ темнотѣ.

Но, конечно, лучше всего, если герой пьесы—сытый, откормленный буржуй, а героиня—хрупкое и даже надломленное существо. Это очень удобная коллизія для большихъ монологовъ и новыхъ построений.

— Ты взялъ меня, невинную, чистую, съ глазами ребенка, съ душой, въ которой трепетали неясные звуки... На моихъ губахъ еще горятъ твои поцѣлуи, и я вся до сихъ поръ содрагаюсь... Зачѣмъ?!..

Такъ какъ онъ не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, то ограничивается тѣмъ, что растерянно одергиваетъ жилетъ, подъ которымъ отчетливо обрисовывается порядочное брюшко...

Если въ труппѣ имѣется сносный актеръ на невзраченныя роли, то можно ввести въ пьесу молодого человѣка съ истерикой. Пусть онъ будетъ сыномъ отъ перваго брака или живущимъ на софидней дачѣ музыкантомъ. Онъ также можетъ говорить монологи, а въ четвертомъ дѣйствіи легко разрѣшить ему небольшой припадокъ.

Необходимо, однако, чтобы его любовь къ героинѣ ни подъ какимъ видомъ не завершалась побѣдой. Это должна быть непремѣнно полулюбовь и все время на полутонахъ. Конечно, при полуосвѣщеніи...

Можно ввести и комическій типъ. Какой-нибудь старичекъ, который все время рассказываетъ одинъ и тотъ-же анекдотъ, или пожилая дама, которая влюблена въ истеричнаго юношу. Этотъ типъ рисуется сразу и подчеркиваетъ внутренній смыслъ происходящей передъ зрителемъ драмы.

Въ промежуткахъ между основными моментами пьесы дѣйствующія лица ведутъ между собой приблизительно слѣдующіе разговоры:

Онъ. Я шель сегодня по улицѣ и видѣлъ, какъ извозчикъ билъ лошадь (полупауза). Лошадь лягнула извозчика, и онъ упалъ (полупауза). А въ это время такъ ярко свѣтило солнце... (Большая пауза).

Она. И будетъ свѣтить еще многія, многія тысяча лѣтъ!.. (Пауза). Я вѣрю—будетъ свѣтить! (Большая пауза). Небо!

Онъ. Но мы умремъ! (Пауза). Земля!

Она. Мы всё умремъ!.. (Большая пауза). Звѣзда! Смотри по надобности, разговоръ можетъ быть и короче и длиннѣе. Особенно рекомендуется, чтобы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пьесы, гдѣ разговоръ завершается вопросомъ о смерти, вдругъ изъза кулисъ раздавался какой-нибудь пугающій стукъ, выстрѣлъ, шумъ вѣтра, непременно что-нибудь неожиданное и пугающее.

Онъ. Вы слышали?

Она. Да.

Онъ. И я слышалъ.

Она. Послушаемъ!

Онъ. Идемъ отсюда (пауза). Здѣсь смерть!

Всегда очень труденъ четвертый актъ. Но если сдѣлать первые три подлиннѣе, то къ четвертому останется только полъ-театра. Положеніе значительно облегчается: останется та публика, которой

А. А. Линтваревъ.

(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности).

все равно, что ни смотрѣть, лишь-бы смотрѣть. Во всякомъ случаѣ, четвертый актъ долженъ быть самымъ короткимъ, но тѣмъ болѣе сильнымъ. Мужа разбиваетъ параличъ, жена въ одномъ платьѣ убѣгаетъ изъ дома, съ молодымъ музыкантомъ комическій старичекъ не можетъ рассказать до конца своего анекдота и, оборвавъ на полусловѣ, рыдаетъ. Въ такой суматохѣ никто изъ зрителей не сообразить, въ чемъ дѣло.

Для вопросовъ о наслѣдственности, вырожденіи, экономическомъ матеріализмѣ и цѣли жизни рекомендуется «Библиотека для самообразованія».

Но ея надо пользоваться умѣло.

— Наслѣдственность! Неумолимый бичъ чело-вѣка! Ужасная способность организмовъ передавать свои свойства и особенности отъ одного поколѣнія въ другое!

Послѣдній совѣтъ: ни въ какомъ случаѣ не вводить въ пьесу наблюдений надъ дѣйствительной жизнью. Презрительно скажутъ: въ «надоѣвшихъ тонахъ Островскаго!..»

Арсеній Г.

МОСКОВСКІЯ АРАБЕСКИ.

Первый бенефисъ у Корша былъ отданъ г. Свѣтлову, который поставилъ «Сегодня», В. И. Трахтенберга. Съ первою частью этой трилогіи—«Вчера» мы уже знакомы. Въ «Сегодня» авторъ говоритъ, что настоящаго для чело-вѣка не существуетъ: «сегодня»—это только мигъ, уходящій безвозвратно въ вѣчность, это «вчера» для болѣе лучшаго «завтра»,—«сегодня», можетъ наступить только тогда, когда люди будутъ безстрастны, какъ боги, и «перестанутъ любить и ненавидѣть другъ друга»; чело-вѣкъ живетъ въ настоящемъ или переживаніями другаго или надѣется и ожидаетъ лучшаго будущаго, того «лучезарнаго завтра», къ которому стремятся измученные неправдой жизни и «обозленные пережитымъ вчера» люди. Эта мысль, высказываемая устами главнаго героя трилогіи, Зубина,—лучшее мѣсто въ пьесѣ.

Знатокъ сцены, талантливый и умный драматургъ, В. О. Трахтенбергъ, выставивъ такую интересную тезу, выполнилъ ее, однако, не безукоризненно; къ достоинствамъ относятся живой, блестящій языкъ, типичныя фигуры литературной богемы, много остроумныхъ мыслей и замѣчаній, нѣкоторыя частныя красивыя положенія, быстро развивающееся дѣйствіе и сценичность, но—нагроможденные эффекты, неясная, часто противорѣчивая психологія и нѣкоторая анекдотичность портятъ впечатлѣніе. Неясно также, какова здѣсь роль Хроменко, которая во «Вчера» обрисована, какъ сильная, живая и энергичная натура, а здѣсь оставлена въ тѣни, и каково отношеніе къ ней Зубина? Несмотря на все это, публика смотритъ пьесу съ неслабѣвающимъ интересомъ, хотя остается измученной и подавленной излишне сгущенными красками. Подождемъ «Завтра», и будемъ надѣяться, что это будетъ лучшая часть трилогіи.

Г. Свѣтловъ въ роли Зубина не удовлетворилъ насъ: не были достаточно отнѣнены всѣ душевныя переживанія, не чувствовалось большой силы, не было нужной теплоты въ обращеніи къ Дорѣ; лучше всего удался артисту 3 актъ объясненія съ Праотцевымъ. Очень сдержанно, но въ высокой степени художественно сыгралъ впервые выступившій послѣ болѣзни г. Яковлевъ роль страннаго заика, доктора Кнаута, который видитъ свой долгъ врача въ томъ, чтобы не мѣшать больнымъ умирать Типиченъ и ярокъ былъ г. Борисовъ въ роли пьянаго циника-литератора, Боровскаго. Неудовлетворительна оказалась г. Карелина-Раичъ—Дора, которая провела сильныя драматическія мѣста съ фальшивымъ, неприятнымъ пафосомъ. На роль Праотцева нуженъ артистъ съ большимъ темпераментомъ, чѣмъ г. Гаринъ. Только что принятый въ труппу Брошель-Холодновъ оказался артистомъ довольно безцвѣтнымъ. Публика горячо принимала пьесу и бенефицианта, которому поднесены цѣнные подарки, и нѣсколько разъ вызывала автора.

*** 24 октября началъ «Вторую молодостью» свои спектакли симпатичный московскій кружокъ любителей сценическаго искусства, пріютившійся въ залѣ Романова. Спектакли идутъ по воскресеньямъ подъ режиссерствомъ артиста театра Корша, Пельцера. Затѣмъ была поставлена тетралогія Гартлебена: «Чужой», «Проводы», «Во имя строгой морали», «Лора», которая состоитъ изъ 4-хъ самостоятельныхъ комедій, объединенныхъ общей темой объ отчужденности и разьединности людей, даже близко живущихъ другъ съ другомъ. Первые двѣ части тетралогіи, требующія тонкаго исполненія и передачи настроенія, были не подъ силу любителямъ, но двѣ послѣднихъ веселыя, неглубокія, жанровыя картинки прошли удачно; мужской персоналъ былъ вообще слабѣе женскаго, изъ котораго выдѣлились Василевская (Рита Реверь) и особенно Литвинова (Лора), бойко и просто держащаяся на сценѣ.

*** Коршъ рѣшилъ потряхнуть стариной и поставилъ въ бенефисъ Кригера фарсъ Жоржа Берра: «Нерѣшительный» въ переводѣ неизбѣжной г-жи Шмидтъ. Невольно вспомнились въ этотъ вечеръ тѣ блаженныя недавнія времена, когда театръ Корша былъ веселымъ театромъ, чѣмъ-то въ родѣ теперешняго фарса Сабурова, и съ «шикарнымъ ансамблемъ» разыгрывалъ Мясницкаго «переводные»—французскіе и нѣмецкіе фарсы,—еще въ то время создалась и своеобразная «коршевская» публика,—и до сихъ поръ по пятницамъ на новинкахъ здѣсь можно встрѣтить «звѣздъ» опереточнаго, шансонетнаго и цыганскаго міровъ. Эта публика осталась очень довольна «Нерѣшительнымъ»,—чѣмъ не фарсъ, хотя и называется комедіей? И легкость есть, и игривая пикантность, и, наконецъ, впечатлѣнія никакого, въ концѣ концовъ, не остается, какъ будто бы ничего и не видѣлъ. По слухамъ, въ настоящемъ году кончается срокъ аренды театра Коршемъ у Бахрушина, и будто-бы театръ снимаютъ режиссеръ труппы Н. Н. Синельниковъ и артистъ той-же труппы Гаринъ. Nous allons voir. Но неужто Москва останется безъ Корша? Всѣ такъ къ нему привыкли, и москвичу представляется это невозможнымъ также, какъ остаться безъ булочной Филиппова.

Но обратимся къ «Нерѣшительному», который по пьесѣ «еще маленькимъ чуть не умеръ отъ голоду, потому что не могъ рѣшить, какую ему взять грудку кормилицы»,—эта выдержка настолько характерна для пьесы, что мы о ней больше

говорить не станемъ. Постановка, исполненіе удовлетворительны: Кригеръ, Свѣтловъ, Романовская, Радинъ, Казанскій, Пельцеръ играли весело и для фарса хорошо; жаль было смотрѣть, какъ такой большой артистъ, какъ Свѣтловъ, былъ принужденъ изображать шаржированнаго пшюта. Карелина-Раичъ обнаружила обычныя достоинства и недостатки своей игры, — это испорченная, можетъ быть непоправимо, провинціалка съ большимъ дарованіемъ на роли соquette; Мандражи, игравшая изящную француженку, была, какъ всегда, *ingéue-soldat*. Г-жа Лаврецкая, которая специализируется на роли ко-котокъ, еще далека отъ нормы, пока „идетъ на себя“, какъ выражаются спортсмены, но подаетъ надежды.

Въ ближайшую пятницу—бенефисъ Карелиной-Раичъ, идетъ „Жарь-Птица“, комедія Трахтенберга, и „Во имя строгой морали“ Гартлебена.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Астрахань. Г-жа Любарская вышла изъ состава труппы г. Медвѣдева.

Варшава. 5 ноября дирижеромъ симфоническаго концерта въ Филармоніи выступилъ Зигфридъ Вагнеръ, сынъ Рихарда Вагнера.

Елецъ. Въ Ельцѣ въ пользу „Фонда народнаго просвѣщенія“ ставится любителями новая пьеса г. Чирикова. Руководить постановкою обѣщался самъ авторъ.

Елисаветградъ. Во время спектакля неожиданно на сценѣ появляется артистъ съ тачкой; послѣдняя нагружена мусоромъ и прикрыта №№ „Елис. Новостей“.

Одинъ изъ артистовъ беретъ газету, и вываливается всякая труха.

— Это что такое?—спрашиваетъ онъ, указывая на что-то черное.

— Это Lapis... (Лапидусъ, редакторъ газеты).

— А это что за мусоръ?

— Это передовая мѣстной газеты... и т. д.

Изыумъ. 21 октября состоялось освященіе вновь открываемаго народнаго дома. Управление Народнаго дома вошло въ соглашеніе съ мѣстнымъ Обществомъ любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ относительно постановки спектаклей.

Кіевъ. Артистъ театра „Соловцовъ“ г. Островскій призванъ на дѣйствительную службу въ качествѣ офицера запаса.

Кишиневъ. Въ засѣданіи думы отъ 27 октября разматривалось ходатайство г. Петросьяна о выдачѣ ему городомъ субсидіи въ 5000 рублей. Ходатайство хотя принципиально и принято, но за отсутствіемъ въ гор. кассѣ средствъ отложено на неопредѣленное время.

Кострома. Въ открытомъ 15-го октября Народномъ домѣ ставитъ спектакли поручено антрепренершъ З. А. Малиновской. Первый спектакль состоялся 17 октября — „Бѣдность не порокъ“, 2-й спект. 24 октября — „Темный боръ“, 3-й спект. 31 октября — „Гроза“, 4-й спект. 7 ноября — „На бойкомъ мѣстѣ“. Всѣ спектакли даютъ полные сборы; играетъ труппа городскаго театра. Предполагаются къ постановкѣ: „Василиса Мелентьева“, „Чародѣйка“, „Каширская старина“, „Измаилъ“, „Дѣвичій переполохъ“ и друг. Спектакли идутъ подъ режиссерствомъ И. Е. Шувалова.

Одесса. Какъ известно, г-жа Лубковская предъявила къ дирекціи московскаго Художественнаго театра искъ объ убыткахъ, въ виду непріѣзда труппы Художественнаго театра въ Одессу минувшимъ Великимъ постомъ. Г-жа Лубковская ищетъ 5200 руб. поспектакльной платы и 2000 р. за гардеробъ. На дняхъ къ г-жѣ Лубковской пріѣзжалъ представитель дирекціи московскаго Художественнаго театра и заявилъ о желаніи дирекціи миролюбиво покончить дѣло, въ виду того, что московскій Художественный театръ намѣренъ пріѣхать въ Одессу весной на 16—20 спектаклей.

— На представленіи „Пяццовъ“ въ театрѣ попечительства о народной трезвости, артистъ Басанинъ (игравшій Канію), намѣреваясь заколотъ Сильвію (Горленко), по ошибкѣ, вмѣсто бутфорскаго ножа, схватилъ со стола острый кухонный ножъ. Г. Горленко хотѣлъ схватиться за грудь рукой, но наткнулся на ножъ и порѣзалъ три пальца. Врачи выражаютъ опасеніе, что одинъ изъ пораненныхъ пальцевъ придется ампутировать.

Тобольскъ. 18 ноября, въ зимнемъ театрѣ, И. К. Ураловъ празднуетъ 25-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности.

Саратовъ. П. П. Струйскимъ подано заявленіе театральному комитету о желаніи снять городской театръ на слѣдующіе годы, подъ одну драму.

Смоленскъ. Въ „Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдом.“ напечатано курьезное объявленіе:

„Въ городской театръ нужна артистка для роли Екатерины Масловой. Возрастъ не болѣе 38 лѣтъ. Шатенкѣ предпочтеніе. Нужна фигурка“.

Ставрополь-Навъ. Въ скоромъ времени въ театрѣ Иванова начнутся спектакли малорусской труппы подъ управленіемъ Д. А. Гайдамаки.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Дачники“, М. Горькаго.

Г-жа Ведринская (Соня) и г. Слоновъ (студентъ).

(Шаржъ). Рис. М. Демьянова.

— На-дняхъ, въ Таганрогѣ скончалась на сценѣ драматическая артистка г-жа Тамарина (?). Обстоятельства передаются такъ. Въ таганрогскомъ театрѣ былъ назначенъ концертъ, на которомъ Т. должна была прочесть стихотвореніе: „Дитя“. Передъ выходомъ на сцену, покойная артистка была чѣмъ-то крайне взволнована и хотѣла совершенно отказаться отъ участія въ концертѣ, но затѣмъ, очевидно, передумавъ, вышла на сцену и, прочитавъ только начало стихотворенія:—„Я желаю тебѣ не проснуться“... скончалась.

Тифлисъ. Скончавшійся на-дняхъ мѣстный общественный дѣятель, прис. повѣр. Я. Гр. Теръ-Іоаннисанцъ, не былъ чуждъ театру: въ золотой вѣкъ армянской сцены, при покойномъ Аламанѣ, онъ выступаетъ какъ умѣлый переводчикъ пьесъ для сцены, а именно онъ перевелъ: „Женитьбу“ Гоголя, „Семейныя тайны“ Чехова, „Тартюфа“ Мольера, „Ромео и Джульетту“ Шекспира и пр.

Харьковъ. Въ дополненіе къ „Харьков. письму“ приводимъ нѣкоторые адреса и телеграммы, присланные А. П. Дюковой: отъ Театральнаго Общества, харьковскаго Общества грамотности, журнала „Театръ и Искусство“. „Одесск. Листка“, „Одесскихъ Новостей“, одесскаго литературно-артистическаго Общества, одесской городской театральнаго комиссіи, отъ театровъ:— „Соловцовъ“, г. Сибирякова, г. Линтварева, отъ труппъ театровъ г-жъ Коммиссаржевской и Яворской, г. Карпова, г-жи Лубковской, отъ г. Корша, отъ петербургскаго женскаго медицинскаго института, отъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, харьковскихъ реальнаго и коммерческаго училищъ, харьковскаго медицинскаго Общества, харьковской общественной бібліотеки, отъ казанско-саратовской труппы, г. Далматова, г. Бородая, г. Соболюшкина-Самарина и мн. др.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г.! Иллюстрація нападенія хунхузозъ на мирнаго антрепренера. Въ іюль мной былъ посланъ въ Москву довѣренный мой А. И. Вольскій для сформированія для меня опереточной труппы на годъ, т. е. съ 1 октября сего года по 1 октября 1905 г. для Харбина. Въ числѣ приглашенныхъ оказались г. Линевицъ-Лутковскій и г-жа Звѣздичъ (теноръ и лирическая пѣвица), которые подписали контракты и получили авансомъ мѣсячные оклады (500 р. + 325 р.). Кромѣ авансовъ, еще получили дорожныхъ и багажныхъ 285 руб. Передъ самымъ пріѣздомъ труппы они заявили, что выѣдутъ не 5-го сентября вмѣстѣ со всѣми, а экспрессомъ 7-го. Отъ 7-го сентября была получена такая телеграмма: „Въ виду исключительнаго обстоятельства прошу перевести Бюро еще 700, иначе выѣхать невозможно получении выѣду женой экспрессомъ“

Лутковскій". Нельзя было долго размышлять и я немедленно перевелъ еще 700 р. „срочно“ И. О. Пальмину. И вдругъ, 19 сентября, я получаю изъ агентства Разохиной телеграмму: „Звѣздичъ Лутковскій представили докторскія свидѣтельства онѣ отказались ѣхать Харбинъ Костомаровъ“. На мой телеграфный запросъ съ просьбой заставить вернуть хотя бы взятыя деньги, получилъ телеграмму: „Деньги вернуть отказались истратились приготовленіемъ отъѣзду“. 25 го получаю телеграмму „Лутковскій выздоравливаетъ выѣзжаетъ 24 Звѣздичъ окончательно больна Костомаровъ“. Приходилось ломать репертуаръ и ждать... ждать, хотя-бы только г. Лутковскаго. 4-го октября получаю телеграмму изъ Красноярска: „Вслѣдствіе непредвидѣннаго расхода прошу перевести сто рублей Манджурію Команданту Георгію Линевичъ“. Опять перевелъ. Наконецъ настала давно желанный день, когда я увидалъ въ стѣнахъ моего театра актера, который, подписавъ на 5 мѣсяцевъ контрактъ по 325 руб. въ мѣсяць, ухитрился забрать 1,910 руб. На первыхъ-же порахъ онъ заявилъ, что ему невыгодно получать такой окладъ и онъ готовъ помириться на 800 р. жалованья въ мѣсяць. Жалованья я по принципиальнымъ соображеніямъ не прибавилъ, но авансъ всецѣло отложилъ до его бенефисовъ, въ отвѣтъ на что г. Лутковскій пожалъ мнѣ съ чувствомъ руку. 19-го же, на другой день онъ долженъ былъ выступить въ „Птичкахъ Пѣвчихъ“ въ партіи „Пиколло“. Афиша была выпущена. Насталъ день спектакля. На репетиціи онъ не явился. Обыскали всѣ гостицы—нигдѣ нѣтъ. Подняли на ноги всю полицію—трупа нигдѣ не оказалось. Передъ самымъ спектаклемъ, когда надежда на появленіе Лутковскаго исчезла, баритонъ Салтыковъ согласился любезно спѣть партію „Пиколло“. Я сдѣлалъ анонсъ съ объясненіемъ обстоятельствъ, встрѣченный единодушными аплодисментами всей залы и тушемъ оркестра.

На другой день, т. е. 20 октября, я получилъ письмо со штемпелемъ „почтовый вагонъ“ слѣдующаго содержания: „По прибытіи въ Харбинъ съ цѣлю служить въ Вашей опереточной труппѣ, я, при всемъ желаніи, не могъ найти себѣ подходящаго помѣщенія, такъ какъ вслѣдствіи военнаго времени цѣны поднялись болѣе чѣмъ въ 10 разъ, а почему я и принужденъ быть уѣхать изъ Харбина (куда? Къ дядѣ, можетъ быть?) Съ почтеніемъ Ю. Линевичъ“. Этимъ все сказано. Болѣзнь, засвидѣтельствованная врачами у г-жи Звѣздичъ—*Neurasthenia gravis*, а у г. Лутковскаго—*хроническій импертрофическій насморкъ*. Спрашивается, имѣли-ли право съ такими болѣзнями артисты принимать ангажементы или, можетъ быть, подобныя хроническія болѣзни неразрывно связаны только съ хроническимъ набираниемъ авансовъ?

Оказывается, не я долженъ гарантировать актеровъ, какъ мнѣ предложило Бюро, когда они уже гарантированы и такъ двухмѣсячными окладами съ раскладкой вычета на годъ, а Бюро и агентство должны меня гарантировать отъ нападенія хунгузовъ. Добавлю, что несмотря на военное время и харбинскія цѣны, вся труппа 70 человекъ устроилась прекрасно.

Прим. и пр. Антрепренеръ харбинскихъ театровъ г. Харбинъ, 22 октября. *И. Арнольдовъ.*

М. г.! Не откажите въ интересахъ истины помѣстить мое настоящее письмо. Г. Петросьянъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ (№ 43 „Театръ и Искусство“) извращаетъ истину. Судите сами. Прослуживъ прошлую зиму у г. Петросьяна въ Кишиневѣ, а лѣтомъ также въ Москвѣ, я получилъ отъ него приглашеніе и на эту зиму. По окончаніи лѣтняго сезона, я получилъ приглашеніе къ Ф. А. Коршу. Всякій пойметъ, что служилъ въ театрѣ Корша чрезвычайно интересна для актера. Помня, что г. Петросьянъ очень часто говорилъ вслухъ, что онъ готовъ всегда для меня все сдѣлать, такъ онъ цѣнитъ мою работу, я обратился къ нему съ горячей просьбой освободить меня. Г. Петросьянъ такъ кричалъ о своей любви ко мнѣ, что каюсь, я повѣрилъ и не сомнѣваясь въ его согласіи, кончилъ къ Ф. А. Коршу на 300 руб. въ мѣсяць. Къ нашему общему сожалѣнію, г. Петросьянъ, не смотря на всю свою любовь (?) ко мнѣ, отказался освободить безъ неустойки. Не контрактъ — (подписанный или не подписанный) тутъ игралъ рѣшающую роль, а наше общее сознание, что безъ согласія г. Петросьяна мнѣ оставаться служить въ Москвѣ нельзя.

Отдаю полную справедливость И. О. Пальмину, который и съ своей стороны всячески убѣждалъ меня ѣхать въ Кишиневъ. То же самое совѣтовалъ мнѣ теперешній мой антрепренеръ В. И. Никулинъ. Такимъ образомъ, я отказавшись, отъ Москвы, 5 сентября по настоянію г. Петросьяна, купилъ билетъ до Кишинева черезъ Петербургъ и выѣхалъ на мѣсто службы, о чемъ онъ былъ извѣщенъ И. О. Пальминымъ. Остановившись въ Петербургѣ на день погостить у родныхъ, былъ изумленъ слѣдующимъ невѣроятнымъ поступкомъ г. Петросьяна; 7 сентября мы получили отъ него телеграмму (она хранится у меня), а наше общее сознание, что онъ меня освобождаетъ и взялъ на мое мѣсто другого.

Получивъ эту милую телеграмму, я кинулся въ канцелярію Совѣта Театральнаго Общества, но тамъ натурально, не

могли высказаться по поводу этого инцидента, такъ какъ не располагали никакими свѣдѣніями и документами. Случайно я встрѣтился съ г. Никулинымъ, который совѣтовалъ мнѣ послать г. Петросьяну еще одну срочную телеграмму съ отвѣтомъ, служу-ли я и выѣзжать-ли мнѣ въ Кишиневъ, но... отвѣта не получилъ. Тогда я 24 сентября телеграфировалъ въ Оренбургъ, что свободенъ и выѣхалъ туда, гдѣ нахожусь на службѣ и понынѣ. Мнѣ остается еще сказать объ апогеозѣ, устроенномъ г. Петросьяномъ. Желая избѣгнуть заслуженныхъ послѣдствій, онъ повѣстуетъ въ *октябрь 7 числа* И. Н. Пальмину, что „ждетъ меня съ нетерпѣніемъ вызовите его и скажите, чтобы выѣзжалъ поскорѣе?!“ Что сказать объ угрозахъ г. Петросьяна опубликовать мои къ нему „интимныя телеграммы“? Курьезное понятіе объ интимности! Вся интимность состоитъ въ томъ, что я, повѣривъ въ то, что г. Петросьянъ цѣнилъ и любилъ меня за мою безропотную тяжелую работу у него, горячо его просилъ освободить меня отъ службы безъ неустойки.

О какомъ судѣ общества и печати говорить г. Петросьянъ? Прим. и пр. и пр. *Викторъ Петина.*

М. г.! Въ началѣ нынѣшняго года П. Н. Орленевъ, нуждаясь въ деньгахъ для своей поѣздки, обратился ко мнѣ съ просьбой взять въ Театральномъ Обществѣ ссуду въ размѣрѣ 300 р., такъ какъ онъ самъ въ то время уже состоялъ должникомъ общества по ссудѣ. Въ виду добрыхъ отношеній я охотно согласился оказать ему эту товарищескую услугу, подаль въ Совѣтъ Театральнаго Общества прошеніе о выдачѣ мнѣ ссуды, а г. Орленеву выдалъ вексель на полученіе денегъ. Нынѣ по истеченіи срока этой ссуды, не смотря на неоднократныя мои напоминанія г. Орленеву и официальные телеграфныя сношенія за мой счетъ канцеляріей совѣта, деньги имъ не уплачены; въ настоящее время даже неизвѣстенъ его адресъ, и мнѣ предстоитъ расплачиваться своимъ карманомъ за эту услугу. Я не думаю, чтобы г. Орленева затрудняла такая ничтожная сумма. Узнавъ изъ настоящаго письма, въ какомъ положеніи находится дѣло, онъ, конечно, откликнется и уплатитъ ссуду Театральному Обществу. Прим. и пр. *Ф. Омарскій.*

ХАРЬКОВСКІЯ ПИСЬМА.

XXXVI.

Сегодня на нашей улицѣ праздникъ!“ — эти слова, сказанныя когда-то такъ крѣпко однимъ великимъ писателемъ другому на торжествѣ открытія памятника Пушкину, вспомнились мнѣ 2 ноября, при видѣ переполненной избранной публикой залы харьковскаго городского театра, залитаго свѣтомъ, украшеннаго гирляндами зелени и цвѣтами. „Чертогъ сиялъ, гремѣли хоры“ похвалъ и благодарности, самые искренніе и горячіе, выливавшіеся иногда въ формахъ трогательныхъ и наивныхъ... И я видѣлъ еще передъ собою счастливо-смущенное лицо Александры Николаевны Дюковой, виновницы торжества, свидѣтелемъ котораго былъ не только одинъ Харьковъ, но и вся театральная Россія, ибо это былъ общій праздникъ на Театральной улицѣ. Зная безупречную дѣятельность нашей достойной антрепренерши, ея скромность и прекрасная душевная качества, я не сомнѣвался, что ея юбилей встрѣтитъ самое живое сочувствіе и горячій откликъ въ общественномъ средѣ, не только въ театральной,—но дѣйствительность превзошла, могу сказать, самую оптимистическія ожиданія. Общественная сторона праздника вышла много грандіознѣе спеціальной—и въ этомъ перевѣсъ для меня и таится тотъ особый смыслъ, который я придаю дюковскому юбилею. Снова и съ новой силой и выразительностью было сказано гласно и торжественно, что такое театръ, каковы его культурныя заслуги, и этимъ предудказанъ путь, по которому идти ему и въ наши времена шатанія и распушенности, не сворачивая и не принижаясь... Внѣшняя картина праздника производила пріятное впечатлѣніе. Труппа г-жи Дюковой, въ лицѣ старѣйшаго своего сочлена и сотрудника юбиляриши со времени вступленія ея на тернистый путь антрепризы, И. С. Песоцаго, украсила театръ зеленью, лампонами и цвѣтами. Директорская ложа утопала въ цвѣтахъ. Публика собралась въ огромномъ количествѣ, такъ что многимъ не удалось получить мѣста,—налицо была наиболѣе интеллигентная часть нашего общества. Давали „Горе отъ ума“. Публикѣ, конечно, мало было дѣла до того, что приходило на сценѣ, пока не появился на ней (послѣ 2-го акта) А. Н. Дюкова, встрѣченная оглушительными аплодисментами и тушемъ оркестра. На сценѣ были артисты труппы, служащіе, депутации, столы съ подарками и огромная цвѣточная декорация. Добрыхъ пять минутъ длилась овация, пока одинъ изъ режиссеровъ труппы Д. А. Александровъ могъ начать чтеніе адреса отъ труппы, который сопровождался весьма цѣннымъ подаркомъ — лирой-брошью съ бриллиантовымъ Х и сапфиреми, съ портретомъ Н. Н. Дюкова на задней сторонѣ. А. Н. поднесены были цѣнные подарки отъ подолгу служив-

„Неувавшийся какъ-уокъ“ или „Вешняя грозы“.

шихъ у нея С. Т. Строевой-Сокольской, Э. Ф. Днѣпровой и П. В. Самойлова, отъ многихъ друзей и знакомыхъ, отъ „населенія г. Харькова“, кромѣ адреса съ тысячею подписей въ художественномъ бюварѣ изъ серебра, поднесенъ сундукъ столоваго серебра почти въ пудъ вѣсомъ. Почти всѣ служившіе когда либо въ труппѣ у Дюковой артисты прислали телеграфныя привѣтствія, не менѣе 30-ти труппъ прислали коллективныя поздравленія, много писателей, журналистовъ и драматурговъ чествовали А. Н. Всѣхъ телеграммъ было до 200. Всѣ мѣстныя просвѣтительныя и образовательныя общества, учебныя заведенія, среднія и низшія прислали депутаціи, адреса, вѣнки, подарки въ видѣ своихъ работъ и проч. Отъ студентовъ трехъ здѣшнихъ высшихъ учебныхъ заведеній прочтены адреса и т. д. и т. д. Все это сопровождалось шумными аплодисментами и тушемъ. Около двухъ часовъ длились эти оваціи. Чествовали на славу и хочется думать, что въ этомъ выраженіи общественной признательности А. Н. Дюкова нашла для себя хоть нѣкоторое утѣшеніе и вознагражденіе за принесенныя жертвы.

Г. Тавридовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТИФЛИСЬ. И г-жа Петрова не дѣлаетъ сборовъ. Даже исполненіе г-жей Петровой партіи Карменъ, гдѣ артистка безподобна, не вызываетъ у нашей публики восторговъ и второе представленіе этой оперы (прибавлю—одной изъ любимыхъ въ Тифлисѣ) собрало далеко не полный залъ. Кромѣ „Карменъ“ г-жа Петрова выступала въ „Аидѣ“, „Царской невѣстѣ“, „Іоаннѣ Лейденскомъ“ и „Вертерѣ“. И если партія Амнерисъ не вполне подходитъ къ дарованію артистки, то лучшую Любашу Тифлисъ врядъ-ли видѣлъ.

А сборовъ все нѣтъ и нѣтъ. Быть можетъ этому виной тяжелое время, которое переживаетъ теперь вся Россія; но кромѣ того, мнѣ кажется, Тифлису опера пріѣхала.. Въ нашемъ большомъ городѣ съ двухсотъ тысячнымъ населеніемъ, театральной публики очень немного. Бывая по обязанности постоянно въ театрѣ, я почти на память знаю всѣхъ неизмѣнныхъ посѣтителей оперы. Ихъ горсточка.

Потомъ наша публика требовательна. Въ прошломъ году не ходили слушать оперу, потому что не нравился составъ труппы; въ этомъ не ходятъ слушать г. Донского, потому что въ прошломъ слушали г. Фигнера. А съ общанными новіцками г. Донской все оттягиваетъ, и только 16 октября поставилъ „Вертера“ и взялъ хорошей сборъ.

Поставлена опера у насъ очень недурно. Изъ исполнителей выдѣляется г-жа Петрова. Вотъ пѣвица, которую можно слушать и понимать не зная языка, такъ художественно умѣетъ она передать голосомъ тѣ чувства и настроенія, которыя ее волнуютъ. Мила г-жа Донская-Эйхенвальдъ—Софи. Ея звонкій чистый точно стеклышко голосокъ, ея обаятельная внѣшность какъ нельзя болѣе подходятъ къ партіи 15 лѣтней рѣзвухи. Къ сожалѣнію заглавная партія не нашла достойнаго исполнителя въ труппѣ г. Донского. Г. Сикачинскій не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для партіи Вертера. Прежде всего у пѣвца сдвоенный голосъ, неясная фразировка и отсутствіе темперамента. Г. Сперанскій, какъ умный и старательный артистъ, выдвигаетъ крошечную роль судьи.

Въ общемъ, женскій персоналъ значительно лучше мужского. Кромѣ перечисленныхъ г-жъ Антоновой, Туллеръ, Томкевичъ, которыя чередуясь другъ съ другомъ, выступаютъ почти ежедневно, въ труппѣ имѣются еще два сопрано г-жи Викшемская и Донская-Эйхенвальдъ. Первая появилась передъ публикой пока въ двухъ партіяхъ Маши (Дубровской) и Лизы („Пиковая дама“). Голосовой матеріалъ у пѣвицы не дурной, но еще далеко не обработанный. Въ сценическомъ же отношеніи г-жа Викшемская совсѣмъ новичекъ, которому надо много и долго учиться. Г-жа Донская-Эйхенвальдъ, обладающая не сильнымъ, но чистымъ голосомъ, выступила также въ маленькихъ партіяхъ Микаэлы „Карменъ“, Софи „Вертеръ“ и Прилепы „Пиковая дама“.

Теноровый репертуаръ лежитъ почти исключительно на г. Донскомъ. Это—пѣвецъ, котораго чѣмъ больше слушаешь, тѣмъ болѣе онъ нравится. Г. Донской не прибѣгаетъ къ дешевымъ эффектамъ, излюбленнымъ пѣвцами новѣйшей формации. Широко пѣніе—манера г. Донского. Въ исполненіи каждой аріи онъ вкладываетъ много вкуса. Изъ исполненныхъ г. Донскимъ партій, Іоаннъ Лейденскій наиболѣе удачная и ближе всего подходитъ къ внѣшнимъ даннымъ артиста. Г. Богдановичъ выступаетъ въ партіяхъ исключительно лирическихъ, а г. Сикачинскій поетъ всякія партіи, но антреприза весьма благоразумно рѣдко пользуется его услугами. Есть въ труппѣ еще одинъ теноръ г. Рыбаковъ, но онъ, повидимому, приглашенъ по примѣру италіанскихъ сценъ для исполненія одной партіи Радамеса, въ которой онъ выступалъ два раза, и болѣе не появлялся. Пріятное впечатлѣніе производитъ г. Порубиновскій, басъ со свѣжимъ сочнымъ голосомъ, но въ сценическомъ отношеніи это диллетантъ, обладающій болѣе развязностью, чѣмъ опытностью.

Г. Мейерхольдъ поставилъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Приложено много силы и старанія товариществомъ новой драмы къ постановкѣ этой поэтической сказки Шекспира. Повидимому г. Мейерхольдъ рассчитывалъ сдѣлать эту пьесу боевой въ сезонѣ, но его расчеты не оправдались. Наша публика до обиднаго равнодушно отнеслась къ блангимъ намѣреніямъ г. Мейерхольда познать ея съ комедіей Шекспира, о существованіи которой у насъ многіе даже и не подозрѣвали. Поставленъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ тщательно, но одноотонно, точно у режиссеровъ не хватило творческой фантазіи. Эффекты заколдованнаго лѣса однообразны. Дѣти, изображающія эльфовъ, мало подвижны и не достаточно вышколены, а ихъ гирлянды изъ бумаги нарушаютъ своимъ шелестомъ всякую иллюзію. Струнный оркестръ жидковатъ для мелодичной и красивой музыки Мендельсона. Кромѣ того нѣкоторые исполнители не достаточно твердо знаютъ свои роли. Но все же въ общемъ постановка „Сна“ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Нѣжную Титанію превосходно изображаетъ г-жа Мунтъ, милѣйшаго шаловливаго Пэка граціозно исполняетъ г-жа Шухмина, красива г-жа Канина-Оберонъ. Комическій элементъ въ лицѣ ткача Основы съ братіей выраженъ очень стильно. Хорошъ г. Костромской (Основа).

Пенсія.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Вяло шли спектакли въ смыслѣ сборовъ до 14 октября, для перваго дебюта г-жи Кварталовой, ибо г. Агаревъ заболѣлъ и не участвовалъ въ спектакляхъ, а одной г-жѣ Писаревой было трудно привлечь зрителя. За этотъ періодъ прошли: „Генеральша Матрена“, „Грѣшница“, „Соколы и вороны“ и 2-й разъ „Красная мантия“. Съ пріѣздомъ г-жи Кварталовой, избравшей для перваго выхода роль Хроменко („Вчера“), интересъ публики къ театру усилился, и сборы сильно поднялись, такъ что г. Басмановъ не можетъ жаловаться *). Къ тому же, съ 18 октября началъ выступать и г. Агаревъ. Словомъ, съ 14 октября начался новый сезонъ. Г-жа Кварталова съ „искрой Божіей“, и надо думать, съ будущимъ. Вступила въ составъ труппы и г-жа Миронова, первый выходъ въ роли Дудковой („Вчера“), но неудачно: тонъ ноющей, игра искусственная. Роли ей стали давать небольшія, въ которыхъ она не выдѣляется. Г. Агаревъ не совсѣмъ оправился отъ болѣзни; голосовыя средства еще слабы. Водевили идутъ рѣдко, хотя г-жа Долина и недурная исполнительница. Партнеръ ея г. Пеняевъ—младшій склоненъ къ шаржу. Г-жа Трефилова была довольно подвижной Фросей („Вчера“). Въ роляхъ indigne comique—актриса полезная. Дикція слабая. Г. Абловъ режиссируетъ вмѣстѣ съ г. Басмановымъ (получаетъ 350 р.). Въ характерныхъ роляхъ бываетъ довольно типиченъ, хотя часто вызываетъ въ несоответствующихъ мѣстахъ веселое настроеніе публики. По моему мнѣнію, онъ способный комикъ и выступать ему въ героическихъ роляхъ далеко не безопасно (напримѣръ: Солейманъ въ „Измѣнѣ“). Г. Разинъ (2 комикъ) имѣетъ большую наклонность къ каррикатурности и утрировкѣ. Удачно исполняетъ роли старухъ г-жа Лаврова. Прошли: „Вчера“,

*) За первый мѣсяцъ имъ взято 8000 р., при чемъ въ первой половинѣ мѣсяца сборы значительно слабѣе.

„Дядя Ваня“, „Листья шестая“, „Горе-злосчастье“, „Идиот“, „Наслѣднй принц“, „Потонувшй колоколь“, „Женщина съ кинжалом“, „Забава“, „Педагоги“, „Высшая школа“, „Измѣна“. Въ декоративномъ отношеніи очень хорошо поставленъ былъ „Потонувшй колоколь“, Въ смыслѣ же исполненія наиболее удачно прошли: „Вчера“ и „Дядя Ваня“. Въ послѣдней пьесѣ особенно выдѣлялись г-жа Кварталова и г-жа Писарева. Почти полный сборъ дали „Педагоги“. Пьеса по мѣстнымъ причинамъ 3 года назадъ была снята съ репертуара. Кромѣ того, интересъ былъ подогрѣтъ мѣстными газетами сообщеніемъ о недопущеніи въ театръ учащихся, а затѣмъ поддерживается фельетонами, въ которыхъ достается современнымъ Дирксамъ, Флакманамъ et tutti quanti. Типичны были г. Вербинъ (Флакманъ), г-жа Кварталова (Гиза Хольмъ) и г-жа Лаврова (Бетти Кольмъ). Исполнителямъ шумно апплодировала молодежь. Кстати, публика жалуется на длинные антракты и на то, что спектакли нерѣдко затягиваются, хотя на офишахъ и обѣщаютъ спектакль окончить не позднѣе 12½ часовъ. Театральный комитетъ еще не нашель антрепренера. Контрактъ съ г. Васмановымъ кончается. Неизвѣстно еще, кто будетъ.

Малороссійская труппа, пріютившаяся въ Всесоюзномъ клубѣ, не блещитъ силами. Сборы хорошіе, а въ Народномъ домѣ спектакль малороссовъ далъ даже очень хорошей сборъ. Народный домъ снятъ на нѣскольکو спектаклей г. Бориславскимъ, вологодскимъ антрепренеромъ, ведущимъ переговоры и съ г. Васмановымъ о гастроляхъ оперныхъ спектаклей въ городскомъ театрѣ (съ 10 ноября). *Н. Сафоновъ.*

Р. С. Въ прошлой корреспонденціи, къ сожалѣнію, вкралась досадная опечатка: я написалъ, что г. Агаревъ получаетъ 750 р. (семьсотъ пятьдесятъ), а напечатано 450 р.

Г-жа Кварталова приглашена на 400 р.

ИРКУТСКЪ. Прошелъ мѣсяцъ опернаго сезона. Труппа недостаточно сильна для Иркутска—слабѣ труппы прошлаго сезона. Въ женскомъ персоналѣ имѣются: отличное меццо-сопрано-контральто—г-жа Правдина, лирическое (частью колоретное) сопрано—г-жа Тимонина—съ молодымъ, звучнымъ голосомъ и г-жа Эйгель—съ симпатичнымъ, мягкимъ, но уже недостаточно сильнымъ и звучнымъ голосомъ, почти безъ колоратуры. Эти, особенно г-жа Правдина, имѣютъ успѣхъ. Меццо-сопрано г-жа Карри—хотя и достаточный, но уже потускнѣвшй голосъ и послѣ пѣвицъ прошлаго сезона гг. Мейчикъ и Сюнербергъ успѣха не имѣютъ. Драматическое сопрано г-жа Давыдова—обладаетъ довольно хорошимъ, звучнымъ и достаточно полнымъ, но сильно вибрирующимъ голосомъ. Ея дублерша—г-жа Маркова—только что начинающая (хотя не первой молодости) пѣвица; голосъ громадный, но совершенно еще не обработанный, крикливый. А между тѣмъ ей, вѣроятно, какъ супругѣ дирижера, поручаются первыя партіи. Антрепризѣ должно прекратить эти эксперименты.

Въ мужскомъ персоналѣ имѣются прекрасные пѣвцы—гг. Горяиновъ (басъ), Сокольскій (баритонъ) и тенора Мосинъ и Саяновъ. Всѣ они имѣютъ успѣхъ, хотя по нашему личному мнѣнію, г. Саяновъ недостаточно одного, чтобы нести репертуаръ лирическаго тенора: и голосъ его и горло слишкомъ слабы для этого, а замѣна г. Лавровымъ nepозволительна.

Лирическаго баритона совсѣмъдо послѣднихъ дней не было—это послѣ г. Брагина-то въ прошломъ оперномъ сезонѣ! Пріѣхавшй на-дняхъ баритонъ г. Савранскій не можетъ пополнить этотъ важный недостатокъ труппы: онъ слабъ и неопытенъ. Возлагать же эти партіи на г. Сокольскаго (охотно, повидимому, берущаго за нихъ) значитъ вредить и дѣлу и г. Сокольскому. Вторые персонажи хороши. Хоръ—особенно женскій, лучше всѣхъ предыдущихъ годовъ. Оркестръ весьма недостаточенъ, хотя ведется умѣло дирижеромъ г. Голинкинымъ, который, при всей его старательности, все же производитъ впечатлѣніе новичка. При теперешнемъ иркутскомъ многолюдствѣ, дѣла блестящи: чуть не половина сборовъ съ аншлагами. Если послѣдніе дни сборы стали слабѣе, то это мы объясняемъ отсутствіемъ новинокъ: до сихъ поръ не поставлена ни одна новая для Иркутска опера. Г. Дунаевскій—безусловно режиссеръ, но не чуждъ пристрастія и своимъ любимцамъ.

Закончу сообщеніемъ непонятнаго распоряженія (кого досконально неизвѣстно) о закрытіи (двери съ замками) праваго выхода одного изъ театра—одного изъ трехъ выходовъ. Закрытіемъ этого выхода вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано невозможнымъ сообщеніе въ этой части театра всѣхъ трехъ ярусовъ и со сценой. Этого допустить нельзя, особенно въ такое время, когда вслѣдствіе частыхъ пожаровъ въ театрахъ, требованіе объ увеличеніи числа выходовъ—самое первое. При первой же паникѣ въ нашемъ театрѣ—чего Боже сохрани!—у насъ эта затѣя кончится какимъ нибудь ужасомъ. *Иркутянинъ.*

КРЕМЕНЧУГЪ. У насъ готовится торжество, къ участію въ которомъ будутъ привлечены не только мѣстное общество и общественныя учрежденія, но и весь театралный міръ Россіи. Въ декабрь будетъ праздноваться 25-ти лѣтній юбилей сценическо-антрепренерской дѣятельности Николы Трофимовича Филипповскаго. За четверть вѣка своей дѣятельности въ качествѣ антрепренера въ г. Кременчугѣ П. Т. пріобрѣлъ обширную популярность въ театралномъ мірѣ, успѣлъ заявить себя въ высокой степени честнымъ, добросовѣстнымъ, до щепетильности

аккуратнымъ предпринимателемъ и отзывчивымъ, добрымъ товарищемъ. За этотъ періодъ много сценическихъ работниковъ, начинавшихъ первые шаги на мѣстной сценѣ подъ управленіемъ Н. Т.

Къ нуждающимся артистамъ Н. Т. относится чрезвычайно тепло и всегда оказываетъ посильную помощь обращающимся къ нему, облекая это въ корректную форму, что избавляетъ просителей отъ неловкаго и тягостнаго чувства.

Подвизающаяся въ текущемъ сезонѣ труппа образовала юбилейный комитетъ, въ составѣ 4-хъ артистовъ и одного представителя печати, по выработкѣ программы и организации юбилейнаго чествованія Н. Т. Филипповскаго. *П. Дейчманъ.*

ЯРОСЛАВЛЬ. Антреприза П. П. Медвѣдева въ городскомъ театрѣ продолжаетъ придерживаться серьезнаго репертуара, ставя каждый спектакль новыя пьесы и почти не имѣя возможности прибѣгать къ повтореніямъ. Попробовали дважды поставить „Звѣзду“ съ г-жей Огинской, но во второй разъ пьеса сбора не дала. Репертуаръ слѣдующій: „Благодѣтели человѣчества“, „Дѣти Ванюшина“, „Карьера Ноблоцкаго“, „Пустоцвѣтъ“, „Измѣна“, „Привидѣнія“ (бенефисъ г. Смоленскаго), „Злая Яма“, „Мѣщане“, „Семья преступника“, „Ксенія и Лжедмитрій“. Въ рядѣ ролей выдѣлилась г-жа Огинская (Нелли въ „Кар. Нобл.“, Дора въ „Пустоцвѣтъ“, Ксенія), г-жа Натанская (сильно-драматическая роль Катерины въ „Благ. чело.“, Клавдія въ „Дѣт. Ванюш.“, Зорайя въ „Измѣнѣ“ и др.) и г-жа Польш (Марья Антоновна въ „Зл. Ямѣ“). Среди мужского персонала успѣхомъ пользуются г. Колосовскій, серьезнымъ вдумчивымъ артистъ (роли Ванюшина, Безсѣменова, Коррадо и др.), г. Смоленскій даровитый „неврастеникъ“ труппы (Алеша въ „Дѣт. Ван.“, Освальдъ, Коля въ „Зл. Ямѣ“) и г. Тугановъ (режиссеръ), выступающій почти въ каждой пьесѣ въ главной роли. Изъ состава труппы вышелъ молодой, но лишенный дарованія артистъ г. Ждановъ, призванный изъ запаса арміи на дѣйств. службу. Какъ говорятъ, товарищи сердечно простились съ г. Ждановымъ, устроивъ въ честь его прощальный ужинъ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Первая половина сезона подходить къ концу. Итоги блестящіе. Съ репертуаромъ все благополучно: шли (исключая „Монны-Ванны“ и „Рѣдкой парочки“) оперетки, можно сказать, избранныя. Режиссеръ г. Щербаковъ обнаружилъ много оригинальности и вкуса (даже для пресыщенной роскошью декораций, костюмовъ, реквизита и свѣтовыхъ эффектовъ ростовцевъ). Большой хоръ (съ преобладаніемъ красивыхъ женщинъ), однако, не отличается стройностью. Оркестръ, дирижируемый г. Валентетти и Зельцеромъ, идетъ также не всегда гладко. Изъ отдѣльныхъ исполнителей выдѣляется г-жа Барвинская: чистый, звучный голосъ, непринужденно-изящная манера на сценѣ; вполне музыкальная передача. Оригинальная каскадная пѣвица г-жа Вертолетти: бѣдная голосовая средства, но много кокетства, бойкости и задора (къ сожалѣнію изъясняется на ломанномъ русскомъ языкѣ). Сильно и красиво звучитъ голосъ у г-жи Вергиной-Мотылевой; зато она крайне однообразна, какъ актриса. Особнякомъ стоитъ г-жа Россини-Скорелетти; густое контральто, несомнѣнное сценическое дарованіе, но непонятное жеманство въ пѣніи и игрѣ. Симпатичныя и свѣжія вокальныя данныя у г-жи Жулинской; играетъ изящно. Изъ мужчинъ любимцемъ публики сталъ г. Дальскій. Изящныя манеры, естественное, живое, тонкое исполненіе, много задумчивости въ голосѣ. Другой опереточный герой—г. Чаровъ—всегда чѣмъ-то связанъ; поетъ со вкусомъ, играетъ крайне однообразно. Комикъ г. Шиллингъ—веселье, находчивъ и... добродушенъ. Большой успѣхъ имѣютъ злободневныя куплеты г. Туманскаго. Шаржируетъ г. Рафальскій, въ чемъ ему усердно помогаютъ комическія старухи—г-жи Разказова и Гамалей-Шевченко. Изъ второстепенныхъ исполнителей отмѣтимъ г-жъ Долину, Волковскую, гг. Гальбинову, Дольскаго...

Въ Нахичевани—начало краха (увы!). Театръ, гдѣ сложили свои головы такіе столпы, какъ Синельниковъ и Крыловъ, театръ, погубившй Анчарова-Эльстона и чуть не уничтожившй Бѣляева, послѣ долгихъ думъ, былъ сданъ г-жѣ Горевой. Получила она его на выгодныхъ условіяхъ (безплатно, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и рабочими, съ предоставленіемъ права сдачи въ аренду буфета и вѣшалки).

Но армяне предпочитаютъ оперетку, циркъ и кафе-шантанъ, русскіе въ театрѣ не идутъ. Г-жа Горева обнаружила явное тускнѣніе къ застарѣлымъ мелодрамамъ и новинкамъ, которые шли послѣ двухъ-трехъ репетицій и обставляются слабо („Красная мантія“, „Роза Берндъ“ и т. п.). Что касается труппы, то она составлена большей частью изъ молодежи. Составъ: Горева, Джеромъ, Хитаренъ, Менгорская, гг. Россинъ, Воробецъ-Сперанскій, Татаринъ (отчасти Романчн). Остальные только подыгрываютъ. Сборы стали падать и падать. А тутъ еще недоразумѣніе по режиссерской части: ушелъ г. Лангаммеръ, обнаружившй полную свою несостоятельность, какъ режиссеръ; режиссировала немного г-жа Горева, потомъ передала сію обязанность двумъ молодымъ актерамъ.

За первый мѣсяцъ жалованье полностью не уплачено. Довѣрие къ антрепризѣ подорвано. Уже начались сокращенія: уменьшенъ оркестръ (кстати сказать, очень приличный), ушли г-жи Джеромъ, Хитаренъ, гг. Россинъ и Томилинь. Въ общемъ—предпріятіе оказалось не серьезнымъ. *С. Кадмиль.*

ОМСКЪ. Сезонъ у насъ отирылся 19 сентября пьесой „Безъ вины виноватые“. Незамова игралъ г. Осиповъ, истерично выкрикивавшій монологи. Слаба была и г-жа Любатовичъ—Кручинина. Неудались Милозоровъ—г. Любомірову и Шмагу—г. Помпа-Лирскому. Гг. Астровъ въ Дудукинъ и Муратовъ въ Муравъ играли совсѣмъ по любительски. Нѣсколько лучше впечатлѣніе произвели г-жа Мичурина—Коринкину, г-жа Скавронская—Аннушку, г-жа Романовская—Галчиху и г. Барановъ—слугу. Вторымъ спектаклемъ шли „Арказановы“. Этотъ спектакль прошелъ сравнительно прилично, благодаря вновь выступившимъ артистамъ г-жѣ Холмской, г. Арканову и отчасти г. Ленскому-Самбарскому. Г-жа Холмская очень мило провела роль Ольги Аркановой. Хорошее впечатлѣніе оставилъ г. Аркановъ въ роли Наварыгина. Затѣмъ шли пьесы: „Идіотъ“, „Соколы и вороны“, „Купальные огни“ и „Каширская старина“. Сборы весьма посредственны.

КОЗЛОВЪ. Антрепренеръ Черепановъ сбѣжалъ, выйдя въ пальто изъ гостиницы пѣшкомъ, а багажъ на другой день увезла г. Бронская. Не оплачено актерамъ, оркестру, парикмахеру, не возвращены залого прислугѣ при рѣшалкѣ, кассиру. Труппа находится въ безвыходномъ положеніи и намѣрена обратиться въ Театральное Общество за помощью для продолженія дѣла товариществомъ. За театръ недоплачено, въ означенные въ контрактъ сроки, 200 руб.

Вмѣсто контрактовъ Черепановъ подписалъ съ актерами рабочія книжки, изданныя московскою полиціей. По словамъ актеровъ, Черепановъ въ Москвѣ на Щипкѣ ставилъ спектакли, уклоняясь отъ уплаты авторскихъ переменной названій пьесъ оплачиваемыхъ на неоплачиваемая. Такъ напримѣръ, у него шли: „Горе-доля“, подъ названіемъ „Заволжскіе стоны“, 4 раза, „Испорченная жизнь“, подъ названіемъ „Скельскій путь“, „Убийство купеческой дочери Осиповой“ тоже подъ какимъ-то другимъ названіемъ и много другихъ пьесъ подъ разными названіями.

В. Ч—н.

ХАРЬКИНЪ. Оперетка г. Арнольдова, подвизающаяся въ коммерческомъ собраніи, дѣлаетъ съ начала сезона средніе сборы.

До 16 октября прошли „Вокачіо“, „Корнев. колокола“, „Ятчики пѣвчія“, „Хаджи Муратъ“, „Зеленый островъ“ и др. Ставятъ и фарсы. Труппа не пополнилась: по прежнему нѣтъ тенора и протака. Баритонъ Салтыковъ поетъ и теноровыя партіи, но это, не скажу, чтобы очень нравилось публикѣ.

Фарсы выбираются со специфическимъ характеромъ и разглагольствуются, по выраженію мѣстной газеты, вольно и грубо. Труппа Сѣверской-Сигулиной, говорить, снова пріютилась въ Тѣлинѣ.

Н. Мил—ръ.

Вышелъ въ свѣтъ ежегодникъ Императорскихъ театровъ сезона 1901—1902 г. изданный подъ редакціей Л. А. Гельмерсена. Изданіе по своему внѣшнему виду не оставляетъ желать лучшаго. Помимо списковъ пьесъ и личнаго состава драмы, оперы и балета выпускъ содержитъ массу портретовъ и снимковъ постановокъ. Въ отчеты о возобновляемыхъ пьесахъ включены списки первоначальныхъ исполнителей и отзывы современной прессы.

Въ началѣ помѣщенъ „Краткій очеркъ организаціи управленія Императорскихъ театровъ въ царствованіе Императора Александра I-го по случаю столѣтій со дня восшествія на престолъ этого монарха. Очеркъ составленъ довольно обстоятельно. Интересно то, что въ немъ указывается съ полной определенностью на то, что событія 1812 г. привели къ закрытію Французскаго театра. Между тѣмъ у насъ имѣются свѣдѣнія и противоположнаго характера. Такъ въ запискахъ Каратыгина говорится по этому поводу слѣдующее: „Въ то тяжелое, безотрадное время театральныя представленія не прерывались на одинъ день. Французская труппа также продолжала свои

спектакли. Чтобы не быть голословнымъ, Каратыгинъ дасть даже указаніе на то, что 6 іюля 1812 года въ бенефисъ актера Фальмаса на маломъ театрѣ играли трагедію Озерова „Дмитрій Донской“ на французскомъ языкѣ, при чемъ роль Ксеніи занимала знаменитая трагическая актриса m-elle Жоржъ.

Не обошлось и безъ нѣкоторыхъ недостатковъ: такъ, подъ портретомъ г-жи Марковичъ помѣщена фамилія г-жи Гладкой.

СДАЧА ТЕАТРОВЪ И АНГАЖЕМЕНТЫ.

Курскъ. Городской театръ. Антреприза И. В. Погуляева. Составъ труппы: г-жи Александрова, Аркадьева, Боброва, Долина, Кортъ, Никитская, Нильская, Новицкая, Самойлова, Сербская, Стрѣльска; гг. Александровъ, Александровскій, Бернатовичъ, Духовской, Звягинцевъ, Ипполитовъ, Лошаковъ, Милославскій, Некаевъ, Погуляевъ, Ростовъ, Холминъ, Свѣтляковъ.

За октябрь прошли пьесы: „Рабство“, „Одинокіе“, „Нищій духомъ“, „Закатъ“, „Дѣти Ванюшина“, „Снѣгъ“, „Какъ они бросили курить“, „Красная мантия“, „Портъ-Артуръ“ (2 раза), „Тилисманъ факира“, „Вольная пташка“, „Больные люди“, „Ольгинъ день“, „Благодѣтели челоуѣчества“, „Жена съ того свѣта“, „Молодость Людовика XIV“, „Основы брака“, „Искупление“, „Мертвыя души“, „Венецкій истуканъ“.

Режиссеръ Г. П. Ростовъ. Пом. реж. Аркадьевъ, суфлеръ Васильевъ, декораторъ Коростылевъ.

Киево. Дирекція В. Ф. Аничковой-Ивановой. Городской театр и Народный домъ. Составъ труппы: г-жи А. Н. Галицкая, А. Ф. Попова, Л. Р. Польша, П. А. Максимова, М. С. Грановская, В. Н. Федотова, С. В. Солнцева, А. П. Долина, М. Г. Смирнова, К. П. Вѣрина; гг. П. Г. Цвиленовъ, М. П. Назаровъ, Ф. П. Никитинъ-Фобіанскій характерн. роли, Н. А. Молчановъ характерныя роли, С. В. Дмитріевъ, В. П. Полтаракій, Д. Р. Любинъ, И. И. Кондратьевъ, Н. Н. Истоминоу, В. К. Ренинъ-Михалко, Корецкій, Герасимовскій, Богемскій. Режиссеры: г-жа Аничкова-Иванова и г. Молчановъ, пом. реж. г. Корецкій, суфлеръ г. Сашинъ.

СОВѢТЫ И ОТВѢТЫ.

Рига. П. И. Кр—ву. Ходатайствовать о разрѣшеніи къ представленію новой пьесы нужно въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, куда и надо обращаться съ соответствующимъ прошеніемъ. Причемъ необходимо приложить два экземпляра рукописной пьесы и двѣ 60-ти копѣечныя марки.

Репертуаръ СѢ. Императорскихъ театровъ.

Александрійскій театръ. 15-ю ноября: „Отецъ“, 16-ю: „Въ мутной водѣ“, 17-ю: „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, 18-ю: „Высшая школа“, 19-ю: „Горячее сердце“, 21-ю, утромъ: „Фаустъ“, вечеромъ: „Мѣсяцъ въ деревнѣ“.

Михайловскій театръ. 15-ю: „Вопросъ“, 16-ю: „Le truc du brésilien“, 17-ю: „Лѣсъ“, 18-ю: „Le truc du brésilien“, 19-ю: „Соломенная шляпка“, 20-ю: „Manoune“, „L'enquête“, 21-ю: „Manoune“, „L'enquête“.

Маріинскій театръ. 15-ю „Тангейзеръ“, 16-ю: „Демонъ“, 17-ю: „Пробужденіе флоры“, бал.; „Жизель“, бал. 18-ю: „Борисъ Годуновъ“, 19-ю: „Травиата“, 21-ю утромъ: „Карменъ“, вечеромъ: „Коппелія“, бал.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

10 ЗАГОРОДНЫЙ, 10
Телеф. 3548.

ЖЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Д-ра КОРАБЕВИЧА.

Постоянн. крѣв., акушер., женск. (вечер.) и дѣтск. бол. Наesanъ свѣто- и электрелъч. Ежедн. кромѣ воскресныхъ дней 11—12 ч. и 6—7 ч. веч.

„Б А Б Ъ“,

мѣся И. Григевской, к. 2 руб.

Театръ „ФАРСЪ“.

НЕВСКІЙ 56, домъ Г. П. Елисеѣва.

Телефонъ № 1492.

Товарищество артистовъ подъ главнымъ режиссерствомъ

В. А. КАЗАНСКАГО.

Составъ труппы: г-жи Турчи, Мосолова, Ручьевская, Запольская, Ларина и др.; гг. Гаринъ, Казанскій, Колесовъ, Клеманскій, Островскій, Пановъ и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ПО УПРАВЛЕНЮ

„Николаевскимъ“ городскимъ театромъ въ Н.-Новгородѣ

симъ объявляетъ, что заявленіе отъ лицъ, желающихъ арендовать названный театръ съ 15-го мая 1905 года на три года, принимаются только до 20-го ноября сего года. 2—2

ТЕАТРЪ „БУФФЪ“ ЗИМНІЙ.

(Бывшій Панаевскій). Дирекція П. В. Тумпакова.

Русская опера, оперетта, феерія и балетъ.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Разрѣшена цензурою

„КАТЕРИНА МАСЛОВА“

драма, оп. въ 5 д. и 7 карт. по роману гр. Л. Н. Толстого „Воскресеніе“. Передѣлка В. Евдокимова. Репертуаръ Новаго театра г-жи Яворской. Въ пьесѣ 21 роль, съ выходными (8 женск., 15 мужск.). Цѣна рукописнаго цензуры. экземпляра 7 р. 50 коп. Адресовать: С.-Петербург, Пет. ст., В. Бѣлозерская, д. 24/26, кв. 32, В. Ф. Евдокимову.

По этому-же адресу можно получить **НОВЫЯ ПЬЕСЫ** соч. В. Евдокимова.

„НЕПОГРЕБЕННЫЕ“

драма въ 4 дѣйств., ч. 2 р. (литогр.). Пьеса одобрена на конкурсѣ Соболевцова-Самарина и включена въ репертуаръ. Прав. Вѣсти. 1904 г. № 31. (Разрѣшена безусловно).

„ЖИЗНЬ ВЪ СКОРЛУПѢ“

драма въ 4 дѣйств., ч. 1 руб. Пьеса одобрена на конкурсѣ Литературно-Художеств. Общества въ СПб. (Разр. безусл. Прав. Вѣсти. 1903 г. № 207).

2—1

КТО

хочетъ быть привлекательнымъ въ кружкахъ и интереснымъ въ обществахъ, кто хочетъ, чтобы съ нетерпѣніемъ ожидали всѣхъ его прібытія, умѣть возбуждать всеобщую веселость, заставить всѣхъ безъ исключенія присутствующихъ хохотать, пусть требуется бездѣлныя проспекты и каталоги крайне дешевыхъ волшебныхъ и магическихъ предметовъ даже на 5 коп. Адр. Р. Арагеру, Варшавск. Славская, 33. 1—1

ПРОКАТЪ КОСТЮМОВЪ

въ провинцію

Бр. ЛЕЙФЕРТЪ. Спб. Караванная, 18.

будетъ возможенъ лишь тогда, когда накладные расходы по персональнѣ удастся разложить на дѣлушу группу театровъ.

Чтобы это осуществить, необходимо имѣть свидѣнія, какіе театры испытываютъ надобность въ прокатѣ костюмовъ, для какихъ пьесъ, въ какой періодъ сезона.

Просимъ не отказать въ сообщеніи этихъ свидѣній всѣхъ, кого это касается. Тогда будетъ организовать такой прокатъ на возможно-выгодныхъ и доступныхъ условіяхъ.

Вышла изъ печати новая пьеса

„Подъ гнетомъ наживы“

(изъ еврейской жизни) др. въ 5 д. И. Микулина. Ц. 1 р. 58 к.

Продается: въ конторѣ Театръ и Искусство“ и у автора—Вѣлостокъ. Александров. ул. д. Зильбербергъ.

Новочеркасскъ. Лѣтній Театръ.

Делегу до свидѣнія г. антрепренеръ и те-варщикъ, что мною въѣвъ заарендовать на лѣтній срокъ Лѣтній Театръ, который сдается для ПОСТАНОВКИ спектаклей.

Театръ и отгороженная часть сада при театрѣ и ротондѣ ОСВѢЩАЮТСЯ электричествомъ.

Устроены водопроводъ и фонтанъ.

Во подробныхъ условіяхъ прошу обращаться только ко мнѣ, аренд. театра И. И. БЕКЪ-НАЗАРЬЯНЦЪ, въ Новочеркасскъ.

Р. С. Бывшій мой компаньонъ по театру В. И. Бибенко-Новскій нѣмѣ мною устраненъ, а поэтому никакія предложенія съ его посредничествомъ приниматься не будутъ.

Аренд. театра И. И. БЕКЪ-НАЗАРЬЯНЦЪ.

6285

3—1

Въ г. ОМСКѢ

новый городской театр (стоим. около 250 тысячъ), съ электрич. паров. отопленіемъ, роскош. зало буфета, всѣ удобства для публики и артистовъ. **СДАЕТСЯ** съ 1-го дня Велик. поста (желательнѣе для начала оперы). Сборъ по обыкн. цѣнамъ около 900 р., по бенеф. около 1200 р. Всѣ новыя декораціи. Обращ.: Омскъ, антрепренеру М. С. Уварову-Самборскому.

В. В. АНСАКОВЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ

(суфлеръ) свободенъ на текущій зимній сезонъ. Адресъ: г. Москва, Театральное Императорское Бюро.

НЕ ВѢРЬТЕ КУСТАРЯМЪ,

а присылайте фотографическую карточку: каб. или виз. и 3 р. 50 к. фотографу Р. Соболеву въ Петербургъ, который выплетъ Вамъ большой художественный портретъ въ роскошной рамѣ; пересылка за счетъ фотографіи. Лѣтній, 52. 2—2

Театръ-концертъ АПОЛЛО.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1966.

Дирекція П. Я. ТЮРИНА.

Е Ж Е Д Н Е В Н О .

Большой артистическій концертъ-попурри и послѣднія атракціонныя новинки.

Доботъ лучшихъ артистовъ и артистовъ первоклассныхъ заграничныхъ театровъ. Подробности въ афишахъ.

Режиссеръ А. А. Вядро.

Администраторъ М. П. Тамашинъ.

ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

укрѣпляетъ слабыя деса, придаетъ пріятный запахъ рту и уничтожаетъ винный камень. Флаконъ 80 коп.

ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ

придаетъ зубамъ желаемую бѣлизну, уничтожаетъ винный камень, черноту зубовъ и восстанавливаетъ бѣлизну.

эмали на зубахъ. Коробка 50 коп. Шведскія зубныя средства Голландеръ продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Имперіи. Торговый домъ „Парфюм. Лабор. Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“: С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., № 13.